

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра журналистики

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
_____ Зорин К. А.
« ____ » _____ 2017 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

**ЯЗЫК ВРАЖДЫ В РОССИЙСКИХ И ИСПАНСКИХ ИНТЕРНЕТ-СМИ
(НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТОВ О МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ)**

42.04.02 Журналистика

42.04.02.02 Медиатехнологии и менеджмент средств массовой информации

Руководитель	_____	к. филол. н., доц.	А.В. Гладилин
Выпускник	_____		А.Н. Саха
Рецензент	_____	к. филол. н., доц.	Г.С. Спиридонова
Нормоконтролер	_____	ст. преп.	О.В. Богуславская

Красноярск 2017

Саха Анны Николаевны
«ЯЗЫК ВРАЖДЫ В РОССИЙСКИХ И ИСПАНСКИХ ИНТЕРНЕТ-СМИ
(НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТОВ О МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ)»

Научный руководитель – Гладилин Алексей Владимирович, к. филол. н., доцент

Количество страниц: Общее число страниц – 85 (в их числе титульный лист и список использованных источников).

Количество использованных источников: 70

Перечень ключевых слов: язык вражды, интолерантность, дискриминация, интернет-СМИ, межнациональные отношения.

Актуальность данной работы обуславливается, в первую очередь, обострившейся за последние годы общественно-политической ситуацией в мире: проблема межнациональных конфликтов стала центральной для СМИ – как российских, так и зарубежных. Средства массовой информации в этой ситуации играют роль одного из орудий внешнеполитической борьбы: и присутствие в таких текстах языка вражды в полной мере подтверждает этот факт.

Цель: сопоставительная характеристика языка вражды в российских и испанских интернет-СМИ

Новизна исследования состоит в том, что в нем впервые предпринимается попытка изучения и сравнительного анализа языка вражды в интернет-СМИ на материале двух языков.

Главной задачей данной работы является анализ и сравнение выявленных фактов языка вражды в текстах российских и испанских СМИ.

Объект данного исследования – тексты о межнациональных отношениях в интернет-СМИ России и Испании; **предмет** – язык вражды в этих текстах, особенности его функционирования и лингвистические особенности.

Теоретическая база: монографии и статьи филологов, лингвистов, социологов, философов, культурологов, психологов, специалистов в области права, посвященные изучению языка вражды, речевой агрессии, интернет-коммуникации и межнациональных отношений.

Эмпирическую базу исследования составляют журналистские тексты о межнациональных отношениях, опубликованные в период с января 2015 года по апрель 2017 года в следующих интернет-изданиях России и Испании: Lenta.ru, Газета.ru, Life.ru, AlertaDigital.es, LibertadDigital.com, Gaceta.es.

Структура и краткое содержание работы: настоящее исследование включает в себя введение, две главы – теоретическую и исследовательскую, – заключение и библиографию. **В первой главе** «Язык вражды в интернет-СМИ» рассматривается понятие языка вражды, основные подходы к его классификации, функции, основные стратегии и приемы его создания. Кроме того, описываются причины возникновения данного феномена в журналистских текстах. Исследуется язык интернет-СМИ как отражение межнациональных отношений в обществе. **Вторая глава** «Сопоставительный анализ языка вражды в российских и испанских интернет-СМИ» посвящена непосредственно анализу журналистских текстов, опубликованных в онлайн-СМИ России и Испании. Рассматриваются и характеризуются проявления языка вражды в текстах о межнациональных отношениях, дается сравнительная характеристика исследуемого феномена в интернет-СМИ двух стран. **Заключение** содержит основные выводы, сделанные автором настоящей работы, главный из которых состоит в том, что язык вражды в текстах российских и испанских интернет-СМИ присутствует практически в равной мере. Несмотря на то, что мишени языка вражды в медиа данных стран несколько отличаются, приемы и способы формирования образов врага в целом схожи или идентичны.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
1 Язык вражды в интернет-СМИ.....	9
1.1 Язык интернет-СМИ как отражение межнациональных отношений в современном обществе.....	9
1.2 Язык вражды: понятие, стилистические и лингвистические особенности..	13
1.2.1 «Язык вражды» как феномен массовой коммуникации.....	13
1.2.2 Основные функции языка вражды в СМИ.....	17
1.2.3 Классификация языка вражды в СМИ: некоторые подходы.....	18
1.3 Причины речевой агрессии в интернет-СМИ.....	23
1.4 Основные стратегии и приемы создания языка вражды в интернет-СМИ.....	30
1.5 Выводы по первой главе.....	38
2 Сопоставительный анализ языка вражды в российских и испанских интернет-СМИ.....	41
2.1 Обзор исследуемых источников и обоснование выбора	41
2.2 Язык вражды в российских интернет-СМИ.....	43
2.2.1 Анализ материалов информационного портала Life.ru.....	43
2.2.2 Анализ материалов интернет-газеты Lenta.ru.....	48
2.2.3 Анализ материалов интернет-издания Газета.ru.....	52
2.3 Язык вражды в испанских интернет-СМИ.....	56
2.3.1 Анализ материалов интернет-газеты AlertaDigital.....	56
2.3.2 Анализ материалов интернет-газеты La Gaceta.....	63
2.3.3 Анализ материалов интернет-журнала Libertad Digital.....	68
2.4 Выводы по второй главе. Язык вражды в российских и испанских интернет-СМИ: сходства и различия.....	71
Заключение.....	76
Список использованных источников.....	78

ВВЕДЕНИЕ

Средства массовой информации играют важную роль в формировании общественного мнения по различным актуальным вопросам современности. СМИ являются значительным фактором поддержания стабильности в международных отношениях. Но, вместе с тем, они могут играть потенциально негативную роль.

Тема конфликтов между разными этническими группами в средствах массовой информации всегда была одной из самых востребованных. Публикации, в которых рассматриваются вопросы международных отношений, воспринимаются аудиторией как наиболее важные и привлекательные.

Актуальность данного исследования обуславливается, в первую очередь, обострившейся за последние два года общественно-политической ситуацией в мире: проблема международных конфликтов стала центральной для СМИ – как российских, так и зарубежных. Средства массовой информации в этой ситуации играют роль одного из орудий внешнеполитической борьбы: и присутствие в таких текстах языка вражды в полной мере подтверждает этот факт.

Феномен языка вражды в СМИ (и в частности, его присутствие в текстах о международных отношениях) находится в настоящее время под пристальным вниманием: эта тема регулярно обсуждается в ходе научных конференций, ей посвящаются семинары и круглые столы, проводятся мониторинги языка вражды в различных электронных СМИ, появляются научные и публицистические статьи на эту тему. Становится очевидным, что проблема использования речевой агрессии, носящая междисциплинарный характер, на сегодняшний день стала предметом серьезных дискуссий и научных исследований филологов, лингвистов, социологов, философов, культурологов, психологов, специалистов в области права.

Так, изучением языка вражды как психологического феномена занимались такие специалисты, как Г.Л. Бардиер, А.В. Дмитриев, М.В. Кроз, Н.А. Ратинова, В.И. Жельвис, К.Е. Изард, К.Ф. Седов и др. Попытки определить психологические предпосылки речевой агрессии предпринимались исследователями в области медицины и нейролингвистики (С.А. Горин, А.Ш. Тхостов).

Изучением текстов с признаками языка вражды в России занимались социологи и этнологи (А.М. Верховский, И.М. Дзялошинский, О.В. Карпенко, Г. Кожевникова, В.К. Малькова, В.А. Тишков), специалисты в области права (Е.И. Галяшина, М. Китайчик, Г.М. Резник, А.М. Эрделевский), лингвокультурологи (В.А. Маслова, Е.И. Шейгал) и социолингвисты (Карасик).

Однако наибольшее внимание за последнее десятилетие проблема речевой агрессии в средствах массовой информации получила со стороны специалистов в области лингвистики. Так, лингвистическому анализу форм речевой агрессии в СМИ посвящены исследования Т.А. Воронцовой, Г.А. Копниной, А.П. Сквородникова, А.В. Гладилина, Ю.В. Щербининой, Н.В. Муравьевой и др.

Тем не менее, на сегодняшний день большинство существующих исследований российских лингвистов посвящены не столько анализу непосредственно языка вражды, сколько «изучению языка конфликтов, этностереотипов, языковых маркеров ксенофобии, лингвокультурологических и лингвосociологических аспектов толерантности и политкорректности» [Денисова, 2011, с. 221].

Новизна диссертационного исследования состоит в том, что в нем впервые предпринимается попытка изучения и сравнительного анализа языка вражды в интернет-СМИ на материале двух языков.

Гипотеза исследования: использование языка вражды в журналистских текстах характерно как для российских интернет-медиа, так и для испанских. Приемы и способы создания образа врага в материалах онлайн-СМИ указанных стран имеют общие тенденции.

Объектом настоящего исследования являются тексты о межнациональных отношениях в интернет-СМИ России и Испании.

Предмет исследования – язык вражды в этих текстах, особенности его функционирования и лингвистические особенности.

Целью настоящей работы является сопоставительная характеристика языка вражды в российских и испанских интернет-СМИ.

Исходя из вышеуказанной цели, поставлены следующие **задачи**:

1) провести анализ различных мнений исследователей относительно содержания понятия «язык вражды» и определить конститутивные признаки этого явления;

2) выявить стилистические и лингвистические особенности языка вражды;

3) охарактеризовать язык вражды как феномен массовой коммуникации;

4) изучить различные подходы к классификации языка вражды в СМИ и выработать наиболее приемлемую классификацию для данного исследования;

5) выявить причины языковой агрессии в интернет-СМИ;

6) определить основные стратегии и приемы создания языка вражды в интернет-СМИ;

7) выявить и охарактеризовать язык вражды в российских и испанских интернет-СМИ (Lenta.ru, Газета.ru, Life.ru, AlertaDigital.es, LibertadDigital.com, Gaceta.es);

8) провести сопоставительный анализ выявленных фактов языка вражды в текстах российских и испанских СМИ.

Цель и задачи настоящей работы определили выбор следующих **методов**:

1) методы эмпирического исследования (наблюдение над языковым материалом, сравнение, сплошная выборка, позволившие собрать необходимый иллюстративный материал);

2) метод теоретического исследования (типологический, используемый при создании классификаций и выведения положений);

3) методы, используемые как на эмпирическом, так и на теоретическом уровне исследования (абстрагирование, индукция, дедукция, синхронный и диахронный методы, используемые как при рассмотрении терминов, так и при исследовании контекстов СМИ, синтез и различные виды анализов: дефиниционно-компонентный, контекстуальный, интерпретативный, а также следующие разновидности лингвистического анализа: структурно-семантический, разноуровневый, дискурсивный, используемые как при рассмотрении и создании необходимых дефиниций и рабочих понятий, так и для анализа контекстов СМИ с единицами «языка вражды»).

Материал исследования составляют журналистские тексты о международных отношениях, опубликованные в период с января 2015 года по апрель 2017 года в следующих интернет-изданиях России и Испании: Lenta.ru, Газета.ru, Life.ru, AlertaDigital.es, LibertadDigital.com, Gaceta.es. Выбор источников обусловлен, в первую очередь, высокими рейтингами (интернет-издания являются ведущими в своих странах), а, во-вторых, частотностью появления в этих СМИ текстов о международных отношениях, в которых прослеживаются признаки языка вражды.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что полученные автором результаты могут быть полезны исследователям международных отношений и социального взаимодействия между различными социальными группами в современном мире, а также исследователям повестки дня современных СМИ и актуальных аспектов социокультурного дискурса.

Практическая значимость работы заключается в том, что полученные автором результаты может стать частью курса «Зарубежная журналистика», а также могут использоваться в практике преподавания таких дисциплин, как «Межэтническая журналистика», «Журналистское мастерство». Кроме того, результаты исследования могут быть полезны экспертам по изучению и профи-

лактике межнациональной розни и экстремизма в СМИ и журналистам, которые занимаются вопросами межнациональных отношений.

Некоторые результаты, полученные в ходе настоящего диссертационного исследования, **прошли апробацию** на международном форуме «II Congreso Internacional Comunicación y Pensamiento. Internet y redes sociales: nuevas libertades, nuevas esclavitudes» (г. Севилья, Испания) и международной научно-практической конференции Сибирского федерального университета «Язык, дискурс, (интер)культура в коммуникативном пространстве человека».

Структура работы: настоящее исследование включает в себя введение, две главы – теоретическую и исследовательскую, – заключение и библиографию. В первой главе «Язык вражды в интернет-СМИ» рассматривается понятие языка вражды, основные подходы к его классификации, функции, основные стратегии и приемы его создания. Кроме того, описываются причины возникновения данного феномена в журналистских текстах. Исследуется язык интернет-СМИ как отражение межнациональных отношений в обществе. Вторая глава «Сопоставительный анализ языка вражды в российских и испанских интернет-СМИ» посвящена непосредственно анализу журналистских текстов, опубликованных в онлайн-СМИ России и Испании. Рассматриваются и характеризуются проявления языка вражды в текстах о межнациональных отношениях, дается сравнительная характеристика исследуемого феномена в интернет-СМИ двух стран. Заключение содержит основные выводы, сделанные автором настоящей работы.

1 Язык вражды в интернет-СМИ

1.1 Язык интернет-СМИ как отражение межнациональных отношений в современном обществе

Виртуальное пространство сети Интернет объединяет сегодня огромное количество людей. По данным, представленным в последнем отчете Международного союза электросвязи, в 2016 году количество пользователей Интернета в мире составляет 3,5 миллиарда человек.

Открытие эры Интернета сделало его пользователей активными или пассивными участниками медиа-индустрии. С помощью всемирной паутины доступна свежая и редкая информация по любым вопросам. Её можно получать в форме новостей и подборок материалов по определенной тематике из всевозможных источников. Это говорит о том, что Интернет стал мощным каналом информации и коммуникации.

Как отмечает О.В. Обухова, интенсивное использование Интернета во всех сферах жизни общества привело к тому, что современная языковая ситуация в мире характеризуется как период «технологизации» языка общения. «Специфика Интернета заключается в том, что это не только значительное техническое изобретение, но и важное социальное явление. Интернет перестаёт быть чисто технической профессиональной сферой, все члены общества так или иначе вовлечены в эту деятельность, язык Интернета быстро становится неотъемлемой частью речевого репертуара всех членов социума» [Обухова, 2008, с. 4].

«В языке сетевых СМИ, который приспособливается к наиболее общим речевым навыкам массового потребителя, отражаются основные речевые навыки массового коммуниканта. Иначе говоря, осуществление в сетевых журналистских текстах единого принципа газетно-языковой конструкции, превращающее их в самостоятельную функционально-языковую систему, противопостав-

ленную, в частности, художественному стилю, делает их общедоступными и направляющими к массовому потребителю воздействующую и организующую информацию» [Сафина, 2012, с. 1583–1584].

Большой потенциал интернет-СМИ в воздействии на массовое сознание аудитории распространяется на все сферы человеческой жизни: в том числе, и на межнациональные отношения – одну из наиболее актуальных и острых проблем в общественной жизни России и мира. Напряженная обстановка на мировой политической арене, войны, международные конфликты, проблема беженцев – все это становится объектом освещения в средствах массовой информации, и особенно – в интернет-СМИ.

По мнению большинства исследователей, СМИ играют определяющую роль не только в освещении этнических аспектов жизни, но и в регулировании самих межнациональных (межэтнических) отношений. Так, например, К.В. Малькова в книге «Не допускается разжигание межнациональной розни...» пишет: «От того, как – толерантно или конфликтно – преподносятся средствами массовой информации этнически окрашенные материалы, нередко зависят не только взгляды и представления людей, но и сами межэтнические отношения, межэтническое спокойствие и мир в регионе или стране» [Малькова, 2007, с. 5].

«Информационное обеспечение оптимизации межнациональных отношений осуществляется главным образом через СМИ. И СМИ в этом контексте являются как «зеркалом», отражающим и передающим реальную картину происходящих событий без искажений и интерпретаций, так и «трибуной» для выражения мнений различных политических и общественных деятелей, а также «посредником» между властью и общественностью» [Поликанова, 2007, с. 16].

Таким образом, поскольку СМИ прямо влияют на формирование массовых представлений людей, в том числе и в области межэтнических отношений, от их гражданской позиции и ответственности в большой мере зависит, будет ли в обществе межнациональный мир или будет поддерживаться межнациональная напряженность, разжигаться межнациональная рознь.

Как отмечают авторы книги «Прикладная конфликтология для журналистов», опасность здесь заключается в том, что «СМИ и журналисты могут использовать простые этнографические факты и особенности жизни людей в политических целях. СМИ, как показывает практика, могут уводить массовое сознание от толерантных идей равенства всех этносов перед законом к идеям приоритетов и льгот, идеям шовинизма и расизма. И это может привести – и часто приводит – к межэтническим конфликтам» [Григорян, 2006, с. 45].

Такого же мнения придерживается В.И. Капустин, отмечающий, что именно СМИ «в значительной степени способствуют разрешению межнациональных и межконфессиональных конфликтов и формированию этнических и религиозных стереотипов, определяющих социальное поведение людей» [Капустин, 2002, с. 5].

О.Ю. Рожнова считает, что современные СМИ распространяют в массовом сознании новую этничность – виртуальную, которая специально оформлена идеологами и оказывает действенное влияние на общественное сознание. «Виртуальная этничность предполагает особое ее освещение в средствах массовой информации, в данном случае занимающихся ее конструированием» [Рожнова, 2007].

В статье «Язык вражды» в региональных СМИ (российско-украинский конфликт в оценке журналистов Оренбуржья)» А.И. Спожакина выделяет три фактора, влияющих на позицию журналиста, освещающего межнациональные вопросы, и, следовательно, на язык его материалов:

- ситуация, характерная для сложившейся культуры. Ее формирование происходит благодаря накоплению в коллективном сознании архетипов, стереотипов и взглядов. Журналист выступает в СМИ как представитель этой культуры;
- ситуация, сложившаяся в определенной социальной группе. Семья, профессиональный коллектив, творческий кружок или стихийно сложившаяся группа людей, придерживающихся одних и тех же взглядов;

- общегосударственная, национальная ситуация. Характеризуется общим положением страны, в которой работает журналист, ее уровнем развития, отношениями с другими государствами, событийной обстановкой, количеством проживающих в стране народов. От этого непосредственно будет зависеть степень толерантности представителя прессы [Спожакина, 2014, с. 25–26].

Освещение и обсуждение межнациональных отношений в сети Интернет нередко имеет негативную окраску, а в ряде случаев – радикальную, экстремистскую и террористическую направленность. Однако сама по себе агрессия в языке «активизироваться и развиваться не может. Необходимы сильные провоцирующие факторы, способные произвести изменения во всей мощи языка и во всех пределах его распространения» [Белояр, 2004].

Определяющим фактором присутствия большого количества негативной этнической информации в Сети можно смело назвать нарастающую межнациональную напряженность. Так, например, происходит в настоящее время в нашей стране. «Количество приезжих, людей иной внешности, культуры и религии, увеличивается с каждым днём. Происходит постоянное сокращение жизненного пространства коренных народов России. Несмотря на властную цензуру и замалчивание истинной обстановки, до жителей России всё-таки доходят сведения о разгуле этнических преступных группировок (ЭПГ), их губительном влиянии на экономику России, заселении целых регионов выходцами из стран дальнего и ближнего зарубежья, вытеснения коренных народов России с их исторических территорий. Масштабы достигли таких размеров, что их уже невозможно скрыть. Здоровое народное самосознание, одним из выражений которого является речь, не может не реагировать на это явление» [Белояр, 2004].

Реалии последних лет указывают на резкий подъем уровня использования речевой агрессии в электронных СМИ. «Самым ярким и наглядным примером актуализации данного феномена служит явление мощной русофобии на территории сопредельного государства Украины. Большое количество уничижительных прозвищ и обозначений для граждан Российской Федерации было придумано

мано именно националистически настроенными жителями Украины. Среди провокационных прозвищ можно упомянуть такие как, «ватники», «кацапы», «москали» и проч. Использование подобных высказываний с ярко выраженной оскорбительной направленностью, безусловно, приводит к дальнейшей эскалации напряженности во взаимоотношениях некогда братских народов» [Резникова, 2016, с. 85].

1.2 Язык вражды: понятие, стилистические и лингвистические особенности

1.2.1 «Язык вражды» как феномен массовой коммуникации

Современные средства массовой информации зачастую становятся одним из определяющих факторов формирования общественного мнения, а также мнений и взглядов отдельных представителей аудитории. «Язык способен менять картину мира, менять личность, а таким образом влиять на общественную жизнь. Он уже не передает просто информацию, а дает ее положительную или отрицательную оценку» [Чжан, 2015, с. 83]. Все это постепенно породило явление, которое исследователи называют языком вражды.

«Язык вражды как феномен современной коммуникации является объектом изучения в различных гуманитарных областях человеческого знания, что определяет возможность его исследования на стыке юриспруденции, лингвистики, психологии, социологии, конфликтологии, этнологии, культурологии, философии и других дисциплин» [Евстафьева, 2009, с. 11].

Существует множество терминов, используемых в науке для обозначения негативных высказываний («словесный экстремизм», «речевая (языковая) агрессия», «речевая демагогия», «речевой (языковой) конфликт», «речевой насилие», «речевая (языковая) манипуляция»), но ни один из них «не является адекватным синонимом термина «язык вражды», так как обозначает либо

явление, являющееся его частным случаем, либо понятие, более широкое по объему» [Евстафьева, 2009, с. 11–12]. И, несмотря на то, что сам термин «язык вражды» пока не очень распространен, стоящая за ним проблематика активно обсуждается в обществе [Денисова, 2008, с. 54].

Исследователь Е.П. Соколова трактует понятие «язык вражды» как обозначение «любого публичного «языкового» действия, прямо или косвенно способствующего возбуждению национальной, религиозной, социальной и иной вражды» [Соколова, 2010, с. 275]. Она отмечает, что данное негативное явление глубоко проникло в СМИ, а через них и в общество. И речь здесь идет не только о прямых призывах к насилию и дискриминации, но и «о широко распространенных штампах («лицо кавказской национальности»), о «случайных» фразах («по подозрению задержаны два чеченца»)» [Соколова, 2010, с. 275–276]. Таким образом, под языком вражды исследователь понимает словесную дискриминацию, речевую агрессию к различным социальным и этническим группам.

Схожее толкование дает термину «язык вражды» и Г.В. Кожевникова: «Под языком вражды мы понимаем любые некорректные высказывания в адрес этнических и конфессиональных групп или их представителей. Высказывания эти варьируются в диапазоне от самых жестких, по сути криминальных (открытых призывов к насилию или дискриминации), до наиболее мягких, которые являются, скорее, результатом журналистской невнимательности» [Кожевникова, 2006, с. 95].

Как показал анализ существующей литературы по теме, большинство исследователей рассматривают язык вражды, в первую очередь, как «языковое выражение интолерантности, или лингвистически выраженную интолерантность» [Коробкова, 2009, с. 201]. Так, например, по мнению В.В. Кузнецовой и Е.Е. Соколовой, под языком вражды следует понимать «лингвистические средства выражения резко отрицательного отношения к каким-либо явлениям общественной жизни (культурным, национальным, религиозным и

т.п.), а также к людям, являющимся носителем иных, противоположным автору, духовных ценностей» [Кузнецова, Соколова, 2004, с. 448].

Подобным образом трактуют понятие «язык вражды» и иностранные специалисты. Так, Комитет министров Совета Европы определяет язык вражды, как «все формы выражения, которые распространяют, провоцируют, стимулируют или оправдывают расовую ненависть, ксенофобию, антисемитизм и другие формы ненависти, основанные на нетерпимости» [Ferrandez, 2015, с. 16]. Таким образом, данная трактовка подразумевает, в первую очередь, формы расовой или этнической дискриминации. Тем не менее, рассматриваемое понятие этим не ограничивается и включает в себя также другие формы речевой агрессии, основанные на нетерпимости к людям другой сексуальной ориентации, религиозных убеждений или другого пола.

Наиболее полное, на наш взгляд, определение термина представляет в статье «Язык вражды» в традиционных и новых медиа» А.В. Гладилин со ссылкой на американский сайт юридических дефиниций: «Язык вражды» (hate speech) – преследуемая по закону коммуникация, которая не несет никакого иного смысла, кроме выражения ненависти к некоторой группе, особенно в условиях, когда коммуникация может спровоцировать насилие. Это подстрекательство к ненависти в первую очередь в отношении группы лиц, определяемой по признаку расы, этнической принадлежности, национального происхождения, пола, вероисповедания, сексуальной ориентации и т. п. «Языком вражды» может быть любая форма выражения, расценивающаяся как оскорбительная для расовых, этнических и религиозных групп и других выделяемых меньшинств или женщин» [Гладилин, 2013, с. 144].

Как показал анализ предложенных различными исследователями трактовок понятия «язык вражды», данное явление имеет два обязательных компонента содержания: негативное значение выражения и его обязательная адресация. «При этом следует иметь в виду, что признаки, по которым осуществляется словесная дискриминация, способствующая разжиганию

ненависти, не являются обязательными компонентами исследуемого понятия, так как имеют непостоянный характер. К ним относятся расовая, половая, возрастная, этническая принадлежность, недееспособность (инвалидность), религиозная приверженность, сексуальная ориентация, идентификация себя как человека определенного биологического пола, владение языком, нравственные и политические взгляды, социально-экономический класс, род деятельности, внешность» [Евстафьева, 2009, с. 12]. Нередко в журналистских текстах, содержащих язык вражды, можно встретить сочетание нескольких дискриминационных признаков.

«Важнейшим фактором, определяющим сущность языка вражды, является то, что он основан на таких явлениях, как социальные стереотипы, предубеждения и дискриминация, и является частью более широкого и сложного феномена, который в науках, изучающих коммуникацию, получил название коммуникация, основанная на предубеждениях и дискриминации» [Гладилин, 2013, с. 144].

Тот факт, что язык вражды базируется на стереотипах, подчеркивают и белорусские исследователи Милана Левицкая и Наста Манцевич. Кроме того, они отмечают, что язык вражды «направлен на символическое или физическое уничтожение инаковости. Наиболее опасным в «речах ненависти» является превращение права на жизнь из априорного в релятивное: в рамках хейтспич оно может быть оспорено или отнято на основании различия» [Левицкая, Манцевич, 2014].

Таким образом, проведенный анализ теоретической базы по теме показал, что существуют различные подходы к определению понятия «язык вражды». На основании представленных выше трактовок изучаемого понятия, исходя из специфики данного исследования, выведем свое определение языка вражды, которым и будем пользоваться в дальнейшем в ходе настоящей работы:

Язык вражды – коммуникация, основанная на предубеждениях и дискриминации, целью которой является выражение интолерантности по отношению к

этническим, национальным, религиозным и другим группам, реализуемое посредством использования языковых средств.

1.2.2 Основные функции языка вражды в СМИ

Для более полной характеристики феномена языка вражды видится необходимым рассмотреть основные функции, которые выполняет данное явление в текстах СМИ.

Так, А.В. Гладилин, основываясь на модели Р.О. Якобсона, выделяет следующие функции, выполняемые «коммуникацией, основанной на предубеждениях и дискриминации» [Гладилин, 2012]:

- референтивная функция – делегитимизация, то есть отказ какой-либо группе в праве считаться человеческой;
- эмотивная функция – выражение отрицательных эмоций и враждебности адресанта по отношению к мишени, а также поддержание самооценки адресанта, снятие напряжения и укрепление позиций в группе;
- фатическая функция – поддержание и укрепление чувства товарищества и сплоченности ингруппы;
- конативная функция – нанесение психологической травмы мишени путем отрицания ее человеческого статуса;
- металингвистическая функция – сокрытие кода языка вражды.

Т.Л. Мистюк, рассматривая феномен речевой агрессии в современных печатных и интернет-СМИ, также выделяет некоторые ее функции:

- функция регулирования, контроля и манипулирования сознанием реципиента;
- функция воздействия не только на сознание, но и на эмоциональную сферу массового читателя как одну из основных в публицистике;

- интерпретация произошедших событий с учетом соответствующих критериев и установок и давать им определенную оценку их;
- оказание негативного психологического воздействия на оппонента [Мистюк, 2015, с. 160].

Американский специалист в области юриспруденции Джереми Уолдрон выделяет две основные функции языка вражды, основанные на противопоставлении «свой–чужой». Первая из них – дегуманизирующая функция, то есть намеренное принижение членов какой-либо группы. Вторая же функция языка вражды заключается в том, чтобы укрепить чувство сплоченности в группе, к которой относится адресант, позволить своим единомышленникам понять, что они не одиноки [Waldron, 2012, с. 121].

Наконец, необходимо отметить и позитивную функцию языка вражды в журналистских текстах – компенсирующую. «Вербальная агрессия в СМИ по своему назначению существенно отличается от вербальной агрессии в непосредственном устном общении. Как известно, речевое агрессивное поведение в межличностной коммуникации служит грубым волюнтаристическим средством, а также выступает как инструмент самозащиты. Кроме того, речевая агрессия может быть одной из опор социальной иерархии, подчеркивая статус «высшего». Наконец, она выполняет компенсирующие функции, замещая физическую агрессию. В этом плане ее роль нередко характеризуется как позитивная» [Басовская, 2004, с. 262].

1.2.3 Классификация языка вражды в СМИ: некоторые подходы

Как было выявлено в ходе настоящего исследования, язык вражды представляет собой сложное явление, которое может воплощаться в журналистских текстах в различных формах и с разной степенью интенсивности. В связи с этим нам представляется необходимым разобраться в существующих вариантах классификации анализируемого феномена.

И.М. Дзялошинский предлагает обобщенную классификацию языка вражды, утверждая, что все варианты реализации речевой агрессии в текстах можно условно разделить на два вида:

- прямой призыв адресата к агрессивным действиям («Время безопасности и празднословия прошло. Настало время действия»);
- формирование или поддержание у адресата агрессивного состояния («Кубанцам не привыкать к высказываниям центральных средств массовой информации, в которых происходящие у нас события преподносятся в искаженном, извращенном виде») [Дзялошинский, 2007, с. 66].

Еще одну, также довольно упрощенную классификацию, предлагают психологи Михаил Кроз и Наталия Ратинова. По их мнению, язык вражды бывает трех видов, среди которых:

- ложная идентификация (формирование и подкрепление негативного этнического стереотипа, отрицательного образа нации, расы, религии и т.п.);
- ложная атрибуция (приписывание враждебных действий и опасных намерений представителям какой-либо нации, расы, религии и т.п.);
- «мнимая оборона» (побуждение к каким-либо действиям против определенной нации, расы, религии и т. п.) [Кроз, Ратинова, 2005, с. 77].

Исследователь Е.П. Соколова разделяет язык вражды, используемый современными СМИ, на три типа – в зависимости от технологии создания «образа врага»:

- управление информационными потоками (включает в себя: ограничение доступа к каналам подачи/получения информации; существенное увеличение потока информации; создание идей, которые захватывают информацию и управляют будущим);
- манипулирование;
- психологическое давление [Соколова, 2010, с. 276].

На наш взгляд, приведенные выше классификации носят слишком обобщенный характер и в полной мере не описывают существующие виды языка вражды. В данной работе мы будем опираться на классификацию, представленную Галиной Кожевниковой [Кожевникова, 2007, с. 12–13]. По мнению исследователя, язык вражды, объектом которого являются этнические и религиозные группы, включает в себя 17 позиций:

1) Прямые и непосредственные призывы к насилию (то есть в связи с конкретной ситуацией, с указанием объекта насилия; провозглашение насилия допустимым средством в своих статьях, документах и т.п.) и призывы к насилию в виде общих лозунгов (в том числе и в виде абстрактных призывов типа «Бей жидов!»);

2) Призывы к дискриминации, в том числе в виде общих лозунгов;

3) Завуалированные призывы к насилию и дискриминации (пропаганда «позитивных», исторических или современных, примеров насилия или дискриминации; выражения типа «хорошо бы сделать с теми-то то-то и то-то», «давно пора ...» и т.п.);

4) Создание негативного образа этнической или религиозной группы (сопряжено не с конкретными обвинениями (к которым относятся другие пункты), а скорее передано тоном текста или фрагмента текста);

5) Оправдание исторических случаев насилия и дискриминации (выражения типа «турки резали армян в 1915 году в порядке самообороны», «после всего, что творили чеченцы, естественно, что...»);

6) Публикации и высказывания, подвергающие сомнению общепризнанные исторические факты насилия и дискриминации (например, масштабы Холокоста или утверждение, что «чеченцев выслали за то, что они перешли на сторону Гитлера»);

7) Утверждения о неполноценности (недостаток культурности, интеллектуальных способностей, неспособность к созидательному труду) той или

иной этнической или религиозной группы как таковой (идеи типа «азербайджанцы только на рынке работают», «казахи туповаты»);

8) Утверждения об исторических преступлениях той или иной этнической или религиозной группы как таковой (типа «мусульмане всегда распространяли свою веру огнем и мечом», «поляки всегда злоумышляли против русских»);

9) Утверждения о криминальности той или иной этнической или религиозной группы (например, «цыгане – воры»);

10) Утверждения о моральных недостатках той или иной этнической или религиозной группы («евреи корыстолюбивы», «цыгане – обманщики»);

11) Рассуждения о непропорциональном превосходстве той или иной этнической или религиозной группы в материальном достатке, представительстве во властных структурах, прессе и т.д.;

12) Обвинения в негативном влиянии той или иной этнической или религиозной группы на общество, государство («размывание национальной идентичности», «инородцы превращают Москву в нерусский город», «мормоны подрывают нашу православную идентичность»);

13) Упоминание этнической или религиозной группы или ее представителей как таковых в унижительном или оскорбительном контексте (в том числе в уголовной хронике или просто при упоминании этнонима);

14) Призывы не допустить закрепления в регионе (районе, городе и т.д.) мигрантов, принадлежащих к той или иной этнической или религиозной группе (например, протесты против строительства мечети в «православном городе»);

15) Цитирование явно ксенофобных высказываний и текстов без комментария, определяющего размежевание между позицией интервьюируемого и позицией журналиста; аналогично – предоставление места в газете для явной националистической пропаганды без редакционного комментария или иной полемики;

16) Обвинение группы в попытках захвата власти или в территориальной экспансии (в буквальном смысле, в отличие от призывов не допустить закрепления в регионе);

17) Отрицание гражданства (то есть упоминание российских граждан как иностранцев в зависимости от их этнической идентификации).

Эти виды, по мнению Кожевниковой, можно условно разделить на три обобщенные категории – в зависимости от степени жестокости (общественной опасности) [Кожевникова, 2007, с. 14]:

- Жесткий язык вражды:

- призывы к насилию,
- призывы к дискриминации,
- завуалированные призывы к насилию и дискриминации,
- призывы не допустить закрепления в регионе.

- Средний язык вражды:

- оправдание исторических случаев насилия и дискриминации,
- публикации и высказывания, подвергающие сомнению общепризнанные исторические факты насилия и дискриминации,
  - утверждения об исторических преступлениях той или иной этнической или религиозной группы как таковой,
  - утверждения о криминальности той или иной этнической или религиозной группы,
  - рассуждения о непропорциональном превосходстве той или иной этнической или религиозной группы,
  - обвинение в негативном влиянии той или иной этнической или религиозной группы на общество, государство,
  - обвинение группы в попытках захвата власти или в территориальной экспансии.
- отрицание гражданства.

- Мягкий язык вражды:

- создание негативного образа этнической или религиозной группы,
- утверждения о неполноценности той или иной этнической или религиозной группы как таковой,
- утверждения о моральных недостатках той или иной этнической или религиозной группы,
- упоминание этнической или религиозной группы или ее представителей как таковых в унижительном или оскорбительном контексте,
- цитирование явно ксенофобных высказываний и текстов без комментария.

Необходимо отметить, что предметом настоящего исследования будет являться, преимущественно, мягкий язык вражды, поскольку именно он преобладает в журналистских текстах.

1.3 Причины речевой агрессии в интернет-СМИ

Речевая агрессия – это «специфическая форма речевого поведения, которая мотивирована агрессивным состоянием говорящего» [Дзялошинский, 2007, с. 66]. Можно говорить о двух вариантах проявления случаев речевой агрессии в текстах: автор либо прямо призывает адресата к агрессивным действиям, либо подачей предмета речи вызывает или поддерживает его агрессивное состояние [Енина, 2002]. Исследуемый нами феномен языка вражды является одним из проявлений речевой агрессии. Соответственно, причины возникновения обоих этих явлений в текстах интернет-СМИ имеют общую природу.

Подавляющее большинство исследователей видят причину повышенной агрессии (в том числе, речевой) во всех сферах общественной жизни, в первую очередь, в экономической и социальной нестабильности. Так, Ю.В. Щербинина связывает феномен вербальной агрессии с «неблагополучным социокультурным положением в большинстве современных логосфер: ростом асоциально-

сти, общим снижением уровня речевой культуры, инвективизацией и вульгаризацией речи, пропагандой насилия в средствах массовой информации, существенным ослаблением коммуникативных механизмов, традиционно сдерживающих проявления агрессии слова» [Щербинина 2008, с. 6].

Большую роль экономической и социальной нестабильности в распространении языка вражды в России признает и А.М. Верховский. «Можно выделить несколько причин укоренения языка вражды в сознании россиян. Среди них – широкое распространение расистских настроений в обществе и отсутствие толерантности по отношению к «иным» культурам и религиям, усугубляемые трудным социальным и экономическим положением основной части населения. Отсутствие осознания журналистами и редакторами того, что проблема языка вражды существует и актуальна для России, слабая реакция со стороны общественности в целом и неправительственных организаций в частности усугубляют ситуацию. К сожалению, в нашем обществе отсутствуют традиции морального осуждения языка вражды. Он воспринимается как норма политической и социальной жизни, хотя не совсем приятная норма» [Верховский, 2002, с. 4–5].

Американский политолог Сьюзан Бенеш в статье «Слова как оружие» отмечает, что увеличение коммуникации между различными культурными, религиозными и национальными группами, а, следовательно – к появлению новых противоречий. Среди других причин усиления феномена языка вражды Бенеш называет «миграционные процессы и технологическое развитие цивилизации – появление Интернета и социальных сетей. Важной причиной всплеска языка вражды американский политолог считает применение политических технологий <...> Автор резюмирует свой концепт, определяя пять факторов языка вражды: 1. динамика, 2. аудитория, 3. сама речь, 4. исторический и социальный контекст, 5. средства коммуникации (распространения)» [Хроменков, 2014, с. 63].

Распространению языка вражды как массового явления в России способствует попустительское отношение к нему со стороны самого общества. «Толчок к распространению, функционированию и массовому восприятию «языка вражды» дает само общество, в котором отсутствуют традиции морального осуждения «языка вражды». Он воспринимается как норма политической и социальной жизни. Слабость и разрозненность действий, направленных против подобных явлений, также является ощутимым ослабляющим фактором в борьбе против социальных и политических конфликтов» [Воробьев, 2004, с. 143].

Наиболее детальный, на наш взгляд, анализ причин речевой агрессии провел исследователь И.М. Дзялошинский. В статье «Образы вражды в российских СМИ: социальные, культурные, профессиональные факторы» он выделяет четыре группы факторов, определяющих уровень агрессии в СМИ:

1. Социальные факторы:

- Повышенная социальная мобильность;
- Высокий уровень социальных рисков;
- Слабое гражданское общество.

2. Экономические факторы:

- Структурные диспропорции в экономике;
- Резкая нелегитимная диспропорция в доходах.

3. Политические факторы:

- Отсутствие реакции властей на открытую демонстрацию расизма и национальную дискриминацию;
- Функционирование политических группировок, эксплуатирующих ненависть к иностранцам, мигрантам.

4. Культурные факторы:

- Расхожесть и укорененность расистских и националистических настроений – синдром радикального авторитаризма;

- Отсутствие толерантности к «иным», «другим» культурам, обычаям, религиям, группам;
- Формирование национальной идеологии «осажденной крепости» – «все против нас».
- Часть академического сообщества не только не способствует преодолению ксенофобии, но иногда прямо способствует созданию дискриминационных концепций и оправданию расистских практик.
- Активная эксплуатация националистических, расистских и дискриминационных тем в массовой культуре и СМИ [Дзялошинский, 2007, с. 83–84].

Как отмечает Ю.В. Щербинина, одной из причин речевой агрессии является недостаточная осознаваемость собственного речевого поведения в целом и в частности агрессивных компонентов в нем [Щербинина, 2001, с. 28]. С этой точки зрения, тексты печатных и Интернет-СМИ не вполне типичны. Им вообще не свойственна спонтанность, и вербальная агрессия проявляется в репликах журналистов не под влиянием эмоционального порыва, а в соответствии с продуманной стратегией [Басовская, 2004, с. 258].

Таким образом, присутствие языка вражды в журналистских текстах – это практически всегда осознанный выбор автора. И этот выбор – агрессивной речевой стратегии – журналист делает для достижения своих коммуникативных целей: «заинтересовать, привлечь, убедить» [Басовская, 2004, с. 257].

«Назовем два основных – с точки зрения особенностей коммуникации в СМИ – моменты, которые объясняют активность интолерантных высказываний в текстах СМИ. Прежде всего, это необходимость вызывать читательский интерес, захватывать внимание читателя. Но как этого добиться? Механизм читательского интереса (если мы говорим об интересе, который возбуждается особыми текстовыми технологиями, а не об интересе, существующем помимо текста) выглядит так: интерес <--- эмоции <--- эмоциогенные ситуации <--- различные приемы и языковые средства, с помощью которых в тексте моделируются такие ситуации в расчете на читательский интерес. Некоторые из этих

приемов и средств оказываются благодатным полем для интолерантности» [Муравьева, 2003].

Так, наиболее сильными по эффекту воздействия, но при этом простыми по технике создания, являются приемы, основанные на сравнении – но не по сходству, а, наоборот, по противопоставлению. «Контраст, конфликт является более сильным и при этом простым по технике создания способом выражения, потому журналисты интуитивно стремятся к построению текста по принципу «белый– черный», «хороший–плохой». Отсюда если кто-то (и не обязательно «МЫ») хороший, то другой с неизбежностью плохой, и это не требует доказательства» [Муравьева, 2003].

Кроме того, наше языковое сознание предлагает нам больше средств, которые выражают отрицательную, а не положительную оценку. По наблюдениям исследователей, средства положительной оценки, особенно те из них, которые имеют повышенную стилистическую тональность, выталкиваются из активного запаса. Вследствие этого, словесно «нападать» гораздо легче, чем защищать.

«Еще одна причина активности интолерантных высказываний в текстах СМИ – интуитивный учет нашей эмоциональности, того факта, что мы - и журналисты, и читатели – в большей степени ожидаем оценок, чем аргументов. Поэтому в СМИ распространены не логические оценки, а оценки, основанные на каких-то порой незаметных признаках, они часто необъяснимы или объяснимы только «задним числом». Соответственно язык используется таким образом, что логический сбой, нарушение логических законов оказываются почти неизбежными» [Муравьева, 2003].

По мнению И.М. Дзялошинского, интерес современных средств массовой информации к насилию и агрессии объясняется следующими факторами:

- Общая экономическая, политическая и социокультурная ситуация, делающая СМИ заложником борьбы кланов и олигархических групп;

- Искаженная структура массовой аудитории с преобладанием бедного населения, не имеющего возможности платить за качественную информацию;
- Невозможность обеспечить нормальное финансирование СМИ посредством продажи информации и рекламы;
  - Отсутствие у журналистов навыков работы в условиях рынка;
  - Заинтересованность сил, контролирующих СМИ, в использовании их в качестве инструмента информационных и психологических войн;
- Отсутствие надежных и действенных механизмов обеспечения свободы слова и свободы СМИ [Дзялошинский 2007, с. 84–85].

На сегодняшний день наибольшего распространения феномен языка вражды в журналистских материалах достиг в Интернет-СМИ. «Именно сетевой дискурс ярче всего отображает изменения, происходящие в языке <...> Свобода слова и выражения здесь приводят к тому, что авторы, чьи тексты публикуются на просторах сети Интернет, смело преподносят читателям свою точку зрения, открыто высказываются по поводу политических, экономических и социальных событий, создавая положительную или негативную установку на восприятие некоторых фактов общественной жизни. При этом Интернет-собеседники, вовлекаемые в обсуждение проблем, не догадываются, что авторы блогов часто используют определенные стратегии, манипулятивные техники» [Аношина, 2016, с. 86].

По мнению А.В. Гладилина, распространению языка вражды в Интернете способствуют сразу несколько характерных черт Сети. «К сожалению, приходится констатировать, что широта аудитории, неограниченный доступ, интерактивность, а также такая черта, как возможность анонимной передачи сообщений, явились причинами того, что в настоящее время цифровые медиа (в первую очередь, Интернет) стали самым главным рупором блатантного «языка вражды» [Гладилин, 2013, с. 145].

Анонимность Интернета как фактор активного распространения языка вражды рассматривают и другие специалисты. Например, Т.И. Стексова отмечает, что анонимность интернет-коммуниканта «позволяет ему выразить то, что он бы скрыл или «сгладил» при непосредственном общении, что было бы отредактировано при публикации в печатных СМИ» [Стексова, 2013, с. 78].

Чешский социолог Петр Лупач считает, что Интернет сам по себе может способствовать проявлениям ненависти как среда с низким социальным контролем. «Даже если человек не выступает анонимно, он ощущает себя в безопасности, чувствуя поддержку людей со схожими взглядами. Он способен выразить то, на что не осмелился бы при непосредственном контакте. Или осмелился, но только после серии подстрекательств со стороны, например, своего окружения» [Врагольская, 2016].

Вторым фактором, делающим Интернет почвой для развития ненависти, по мнению Лупача, стало явление, известное в психологии как селективная перцепция, – когда человек склонен воспринимать только события и информацию, созвучные своим взглядам. «В этом отношении Сеть часто демонстрирует, как из сложных и неоднозначных явлений появляются простые и однозначные мнения людей, говорящих на «языке вражды» [Врагольская, 2016].

Языковед В.А. Ефремов видит «глубинные мотивы возникновения агрессивных форм речевого поведения в Сети» в двух противоположных интенциях Интернет-пользователей: борьбе за внимание к себе и участии в «массовом производстве» [Ефремов, 2015, с. 57].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что системные характеристики Интернета создают достаточно благоприятные условия для существования в Сети материалов, содержащих язык вражды [Сунами, 2013, с. 185]. При этом необходимо отметить, что в то же время механизм минимизации их влияния остается не отработанным.

1.4 Основные стратегии и приемы создания языка вражды в интернет-СМИ

Вслед за А.В. Евстафьевой [Евстафьева, 2009, с. 21] отметим, что «литературные выражения в открытой форме, квалифицируемые как единицы «языка вражды», выявляются на лексемном («Наш новый губернатор, образно говоря, пока еще имплантант») и синтаксемном уровнях («Как украинцы воруют российский газ»).

Нелитературные выражения в открытой форме, также квалифицируемые как единицы «языка вражды», представлены явлениями самых нижних уровней:

- фонемного:

- «юзбек» (узбек – подражание узбекской огласовке);

- морфемного:

- аффиксация – «прожидь»;
- деаффиксация – «азерб», «зерба», «зербод» (азербайджанец);
- аббревиация – «БАБ» (А.Б. Березовский);
- основосложение – «узкоглазый» (представитель монголоидной расы); словосложение – «абстулзадомбей» (турок);
- слогосложение – «негрила» (африканец – контоминация слов «негр» и «горилла»);

- лексемного:

- переход имен собственных в нарицательные – «Магометашка» (мусульманин), «Павлик Морозов» (предатель);
- переход имен нарицательных в нарицательные – «мышь», «моль» («неяркая» женщина), «чебурек», «шашлык», «чурка», «чучмек» (представитель коренного этноса Средней Азии или Кавказа).

При этом, говоря о функционировании нелитературных выражений в открытой форме на синтаксическом уровне, «следует отметить возможность использования адресантом, наряду с нелитературными, литературных слов. Завуалированные формы «языка вражды» в СМИ (скрытая, затекстовая и подтекстовая) позволяют адресанту продуцировать высказывания с помощью единиц более высоких уровней, что предполагает, как правило, использование только литературных слов. Иллюстрацией затекстовой формы «языка вражды» могут послужить вопросы из кроссворда: «Депутат Госдумы от нашей области, который никогда не бывает «сухим», «Чиновник, который должен сидеть в тюрьме» [Евстафьева, 2009, с. 21–22].

«На уровне языковых средств выражения маркерами негативного отношения к субъекту чаще всего выступают нарочито грубые, вульгарные, стилистически сниженные слова и выражения, дискредитирующие личность и формирующие восприятие субъекта как подозрительного и нежелательного, вызывающего неприязнь, отвращение или ненависть. Это явление относится к разряду дисфемизации» [Закоян, 2009, с. 45].

Исследователь О.С. Коробкова также отмечает, что одним из важнейших языковых средств формирования языка вражды является лексика. «Несомненно, к наиболее значимым признакам языка вражды относятся такие лексические единицы, которые отражают релевантность для говорящих оппозиции «свой–чужой». Для коммуникантов, осмысляющих мир в этническом контексте, к таким единицам относятся как нейтральные (общелитературные), так и экспрессивные этнонимы» [Коробкова, 2009, с. 201].

Среди экспрессивных этнонимов к языку вражды автор относит те лексемы, которые имеют значение чуждости и агрессии: наименования представителей различных этносов с негативной коннотацией, распространенные в жаргонах, арго, просторечии, разговорной речи, а также активно проникающие и в публичный дискурс (литературный язык). «По степени жесткости коннотации могут быть различными: от иронично-пренебрежительных до уничижительных,

презрительных, бранных. Нейтральные этнонимы могут использоваться как в толерантных и нейтральных дискурсах, так и в языке вражды» [Коробкова, 2009, с. 202].

Для обозначения таких этнонимов О.С. Коробкова вводит термины «этнофолизмы» или «лексемы чуждости», которые «наиболее точно передают семантику лексики языка вражды, с одной стороны, отражая присутствие этнической картины мира при использовании таких лексем, а с другой стороны, показывая потенциальный заряд интолерантности в них» [Коробкова, 2009, с. 203]. К этнофолизмам, распространенным в России, можно отнести, например, такие, как «америкашка», «хач», «нерусь» и т.д.

Е.В. Столярова считает эксплицитным проявлением языка вражды в журналистских текстах употребление жаргонной и просторечной лексики. «В погоне за эффектом в прессе часто используются арготические лексемы <...> Оценочную функцию в текстах СМИ часто выполняет разговорная и просторечная лексика. Данная лексика (отдельные слова, фразеологические обороты) нередко используется в текстах социальной, криминальной тематики, в текстах, отражающих противостояние различных оппозиционных партий и движений. Здесь они служат экспрессивным средством оценки, нередко негативной» [Столярова, 2014, с. 80].

По мнению филолога Т.Л. Мистюк, основным средством языка, реализующим речевую агрессию в журналистских текстах, является инвективная лексика. В данной функции, как правило, выступают:

- слова, именующие социально осуждаемую деятельность («жулик»);
- пейоративная лексика («двурушник»);
- наименования профессий в метафорической функции («мясник»);
- наименования животных в метафорической функции («свинья»);
- глаголы с «осуждающей» семантикой («хапнуть»);
- эвфемизмы для слов с семантикой антиобщественной деятельности («женщина легкого поведения»);

- каламбуры с оскорбляющей функцией («прихватизация»), а также очевидная клевета и сплетни о ком-либо.

«К наиболее сниженным элементам языка, также используемым в подобной функции, можно отнести жаргонизмы, просторечие, литературную лексику, выражающую негативную оценку, а также вульгаризмы и даже единицы русского мата, представляющие собой такую лексику, публичное употребление которой, согласно нравственно-этическим нормам конкретного языкового коллектива, требует либо запрета, либо существенного ограничения» [Мистюк, 2015, с. 161].

Исследователи Е.Ю. Булыгина и Т.И. Стексова выделяют следующие способы реализации языка вражды в средствах массовой информации:

- немотивированное использование новых иноязычных слов;
- лингво-суггестивное воздействие рекламных текстов;
- экспансия лексики малых социумов;
- языковая демагогия;
- метафоризация, создание специфической метафорической картины мира [Булыгина, Стексова, 2000, с. 170].

При этом авторы отмечают, что языковая агрессия в СМИ зачастую основана на манипуляции сознанием получателя информации, базируется на некритичном восприятии текстов.

Тот факт, что язык вражды может присутствовать в журналистских текстах в виде манипулятивных приемов, отмечает и А.В. Евстафьева. Среди речевых манипулятивных средств воздействия, в которых присутствует язык вражды, она выделяет следующие:

1. Наклеивание ярлыков: «антисемит», «ретроград», «демагог», «ортодокс», «монархист», «коммунист», «фашист» и т.п., а также выражения в косвенной форме «такие, как вы / благодаря таким, как вы / вам подобные»;
2. Обобщение: «...бомжи и прочие вороватые граждане».

3. Деление на «своих» и «чужих»: «Агрессивный разгул «гей-культуры» был бы невозможен без массивной поддержки содомитов со стороны властных структур, демократических СМИ и эстрадных деятелей, насаждающих разврат со сцены» («свои» – это противники «гей-культуры», «чужие» – ее представители и те, кто оказывает им поддержку);

4. Непривлекательный ракурс (намеренное упоминание или повторение элементов, которые позволяют представить человека в негативном свете. Прием используется в том случае, когда в количественном и качественном отношении негативные элементы проигрывают позитивным): «Вы никогда не услышите, чтобы лучшего жеребца сравнили, например, даже с лучшим президентом. Наоборот, для лучшего ловеласа высшим сравнением является, когда его сравнивают с жеребцом. Например, экс-президент США Билл Клинтон — вот это жеребец! С точки зрения традиционного казаха, он — молодец! Не то что некоторые другие президенты!» (адресатом «языка вражды» оказывается «традиционный казах». Прием «непривлекательного ракурса» используется для иронии над его «типичным» ходом мыслей) [Евстафьева, 2008, с. 994].

Перечислим основные лингвистические маркеры языка вражды в манипулятивных приемах СМИ [Евстафьева, 2008, с. 995–996]:

- нелитературные (бранные и жаргонные слова, просторечия) и видоизмененные литературные выражения, не скрывающие намерения автора оскорбить, унижить, вызвать негативные ассоциации в отношении адресанта: «демпроститутки пера», «кремлевская банда Е.Б.Н.», «азеры», «хачики», «бомж-отель», «гомосеки», «жиртресты» и т. п.;

- намеренное создание стереотипа: «Гюльчатай, открой свое личико, или обобщенный портрет современного террориста» (автор подразумевает, что все террористы родом из Средней Азии);

- ирония и прочие разновидности злого юмора;

- использование выражений «так называемый», «в действительности», «на самом деле» и т. п., которые якобы раскрывают тайну: «На самом деле Хлопонин приехал в край защитить интересы «Норникеля»;

- намеренное соединение двух понятий, которые не являются синонимами, союзом «и» и/или через запятую: «... скопище бомжей, наркоманов и алкоголиков»;

- намеренное соединение понятий, фактов, между которыми нет причинно-следственной связи, с помощью слов «значит», «соответственно», «таким образом», «из этого следует»: «Только КПРФ выступает категорически против строительства капитализма в стране, и соответственно только КПРФ может адекватно выражать интересы большинства населения...»;

- категорическое утверждение или оценка без объяснения многозначных слов, например, в целях создания сенсации: (заголовок) «Анастасия Волочкова бросила дочь. (Текст) Балерина Анастасия Волочкова в Новый год, считающийся самым семейным праздником, бросила маленькую дочь Ариадну, а сама вместе с мужем уехала на отдых за границу ...» (Автор текста намеренно использует глагол «бросила» вместо выражения «уехала на отдых без дочери», чтобы донести до читателя мысль о том, что А. Волочкова – плохая мать);

- наличие призывов и побуждений к негативным действиям, дискриминации в открытой форме: «Наказать вредоносных чурок сразу же после поимки прямо в отделении милиции – колуном»;

- наличие призывов и побуждений к негативным действиям, дискриминации в завуалированной форме: «Русский, помни! Черные должны уступать тебе места в общественном транспорте!»;

- противопоставление групп «свои» и «чужие»: «Да, мы не умеем торговать гнилыми мандаринами – но мы умеем летать в космос!»;

- прием «утверждение через отрицание» в целях создания контраста, заключающегося в намеке на плохую репутацию «чужих» и якобы ненамеренном подчеркивании хорошей репутации «своих»: «Он не рисует коллажи и карика-

туры на своих конкурентов. Он не крутит в общественных местах «гимны», написанные в жанре шансона. Не афиширует награды (типа «За ратную доблесть») за сталкивание лбами Севера и Центра...»;

- намеренное повторение слов для привлечения внимания к ним: (в статье о благотворительности) «Инициатива мирной кампании исходила от американо-еврейского бизнесмена Дэниэла Любетски. В своем доме в Лос-Анджелесе он устроил прием... Среди гостей присутствовали Дени де Вито и его жена, актриса Риа Перлман, еврейка по национальности» (у автора не было необходимости упоминать национальность);

- обыгрывание и искажение имен собственных: (о Зюганове) «крокодил Гена», «господин Зю», «товарищ Зю».

Исследователи Е.Ю. Кольцова и Е.Е. Таратута в своей статье «Измерение толерантности» также приводят перечень лексических и синтаксических маркеров, которые «могут служить дополнительными указаниями на наличие интолерантности в тексте» [Кольцова, Таратута, 2003, с. 126–127]:

1. Отсутствует или минимально представлена вероятностная модальность – маркирует недопущение другого взгляда на ситуацию;

2. Отсутствуют или минимально представлены уступительные конструкции – «хотя...», «тем не менее...», «несмотря на то, что...» и т. п.;

3. Высказываемая позиция абсолютно однозначна, не допускаются какие-либо иные точки зрения на проблему; утверждается, что высказываемая позиция единственно верна и/или дает ответ на все вопросы: «В этой связи партия решительно отвергает антиленинскую кампанию, антисталинскую истерию, весь оголтелый антикоммунизм, развязанный реставраторами и их идеологами».

4. В изобилии представлены обличительные и разоблачительные конструкции: «якобы», «дескать», «представляемый как», кавычки и др. Примеры: «буржуазная контрреволюция, провозглашенная как перестройка...» «Законно-избранный» президент, как все другие президенты, ушел в отставку».

5. Часты сверх-суждения, не допускающие полутонов, «но» и оговорок (частный случай этого — сверх-обобщение): «Главный результат такой идеологической обработки населения через СМИ, ставшие антисоветскими — расщепление общественного сознания с утратой идейных основ и ориентиров для социально значимой деятельности».

6. Типичны собирательные существительные и метонимия для группы-объекта: «хулиганье, мразь, Москва, американский империализм, международный терроризм».

7. Характерны утверждения об осуществляющихся противодействиях субъект- и объект-групп с помощью глаголов конкуренции, борьбы, войны: «В борьбе за энергоресурсы американцы вытесняют Россию из ее «вотчин» на Востоке»

8. Используется экспрессивная метафорика в адрес группы-объекта, в т. ч. животная: «общество, разъедавшееся ржавчиной хрущевского ревизионизма», «Ястреб-Буш», «Американский бык».

9. Присутствует собственно оскорбительная лексика в адрес группы-объекта («жидохристианство») и/или, напротив, в адрес субъект-группы от лица группы-объекта (приписываемое группе-объекту или действительное цитирование): «Мировому сообществу, наблюдающему за всеми событиями по телевизору, показывают лишь стихийный бунт населения, грабящего магазины и громящего парламент».

10. Применяется прием соединения нейтральных и негативно окрашенных слов при суждениях о группе-объекте, т. о. негативная коннотация распространяется на нейтральное понятие: «сектанты и еретики», «космополиты и предатели», «Беловежский сговор», «разбойничье антихристианское государство», «бараны- гомосексуалисты», «оккупационные формирования России в Ичкерии»; «группа возмущенных российских программистов из Калифорнии решила сделать свой вклад в борьбу с терроризмом. Им удалось найти компанию,

которая обслуживала чеченский сайт» (ставится знак равенства между словами «терроризм» и «чеченский»).

11. Аналогичным образом используется соединение негативного поступка с наименованием персонажа по группе и т. о. перенесение склонности к таким поступкам на всю группу в целом: «украинец насиловал женщин», «гомосексуалист украл колбасу».

12. Наконец, в наиболее жестких интолерантных текстах могут содержаться прямые призывы к решительным действиям в адрес Группы-объекта. Пример: «Установить диктатуру пролетариата можно лишь путем социалистической революции, поскольку буржуазия никому и никогда мирным путем власть не отдаст».

При этом необходимо помнить, что «лексические маркеры не могут служить опорой в формализованном поиске интолерантности в текстах и абсолютно нерелевантны, а – например, не может быть создан словарь «нетолерантных слов» [Кольцова, Таратута, 2003, с. 126]. Кроме того, авторы отмечают, что данный список лексических и синтаксических маркеров не закрыт и может пополняться.

Таким образом, сделаем вывод, что язык вражды может реализовываться в журналистском тексте как явно, открыто (например, посредством использования бранной, просторечной лексики), так и скрыто – через манипулятивные приемы. «Как правило, большинство приемов представляют собой завуалированную, скрытую форму информации в тексте, которая часто маскируется под невинную литературную метафору, языковую игру, красочный эпитет, не теряя при этом в силе выражения» [Евстафьева, 2008, с. 996].

1.5 Выводы по первой главе

Поскольку средства массовой информации (и особенно интернет-СМИ) имеют огромный потенциал в воздействии на массовое сознание аудитории и

формировании общественного мнения, они играют ключевую роль не только в освещении межнациональных и межэтнических отношений в современном обществе, но и непосредственно в их регулировании. От степени толерантности этнически окрашенных материалов, которые появляются в СМИ, нередко зависят не только отношение людей к «чужим», но и общая социальная обстановка в стране или регионе. Язык современных СМИ теперь не просто передает информацию, а дает ее оценку, что обуславливает появление такого феномена, как язык вражды.

Существуют различные варианты трактовок термина «язык вражды», однако большинство исследователей сходятся во мнении, что данное явление, в первую очередь, представляет собой лингвистически выраженную интолерантность. При этом необходимо выделить два обязательных компонента содержания языка вражды – негативное значение выражения и его обязательную адресацию.

На основании проведенного анализа теоретической базы автором настоящей работы было выведено собственное определение исследуемого феномена: язык вражды – это коммуникация, основанная на предубеждениях и дискриминации, целью которой является выражение интолерантности по отношению к этническим, национальным, религиозным и другим группам, реализуемое посредством использования языковых средств.

В текстах СМИ язык вражды может выполнять несколько различных функций, основанных на противопоставлении «свой–чужой». При этом необходимо отметить, что присутствие языка вражды в журналистских текстах выполняет не только отрицательные функции, но и положительные – например, компенсирующую функцию, заключающуюся в замещении физической агрессии вербальной.

Среди разнообразия существующих классификаций языка вражды, в основном имеющих слишком обобщенный характер, наиболее полной, на наш взгляд, является классификация Галины Кожевниковой. На нее мы и будем

опираться в практической части исследования. Согласно данной классификации, язык вражды, объектом которого являются этнические и религиозные группы, включает в себя 17 позиций, подразделяющиеся, в свою очередь, на три обобщенные категории (в зависимости от степени жестокости / общественной опасности) – жесткий, средний и мягкий язык вражды. Отметим, что в журналистских текстах преобладает мягкий язык вражды, поэтому именно он будет основным предметом нашего исследования.

Как показывают исследования, в последние годы в СМИ резко возрос уровень речевой агрессии, одним из проявлений которой и является язык вражды. Объяснение этому факту подавляющее большинство специалистов находят в повышенной агрессии (как вербальной, так и невербальной) во всех сферах общественной жизни. Вслед за исследователем И.М. Дзялошинским, можно выделить четыре группы факторов, определяющих уровень агрессии в СМИ: социальные, экономические, политические и культурные.

Наибольшего распространения в настоящее время феномен языка вражды в журналистских материалах достигает именно в сетевых СМИ. Это объясняется, в первую очередь, системными характеристиками Интернета: анонимность, широта аудитории, неограниченный доступ, интерактивность – все это создает достаточно благоприятные условия для производства и распространения в Сети материалов, содержащих язык вражды.

В журналистском тексте язык вражды может реализовываться как явно, открыто, так и скрыто – через манипулятивные приемы. В открытой форме единицы языка вражды выявляются на лексемном и синтаксемном уровнях. Маркерами негативного отношения к субъекту здесь чаще всего выступают грубые, стилистически сниженные слова и выражения, дискредитирующие личность. Что касается языка вражды, основанного на манипулятивных приемах, то он, как правило, базируется на некритичном восприятии текстов. Дискредитирующая информация облекается в завуалированную, скрытую форму,

которая может маскироваться под невинную метафору, языковую игру, не теряя при этом своей негативной коннотации.

2 Сопоставительный анализ языка вражды в российских и испанских интернет-СМИ

2.1 Обзор исследуемых источников и обоснование выбора

На основании классификации Галины Кожевниковой, представленной в предыдущей главе настоящего исследования, нами был проведен анализ журналистских материалов ведущих российских и испанских интернет-СМИ, опубликованных в период с января 2015 года по апрель 2017 года, которые содержали какое-либо упоминание о людях, принадлежащих к иной национальности или этнической группе, а также мигрантах. Любой обнаруженный случай употребления в тексте языка вражды классифицировался по степени интенсивности на жесткий, средний и мягкий.

Материалом исследования послужили журналистские тексты о межнациональных отношениях, опубликованные в следующих интернет-изданиях России и Испании: Lenta.ru, Газета.ru, Life.ru, AlertaDigital.es, LibertadDigital.com, Gaceta.es. При выборе источников мы руководствовались, в первую очередь, популярностью интернет-изданий в своих странах, и, кроме того, частотностью появления в этих медиа текстов о межнациональных отношениях.

Рассмотрим указанные источники более подробно:

- Информационный портал Life.ru (ранее – LifeNews.ru) входит в состав российской информационной мультимедийной службы Life, включающей в себя новостной портал, радио и круглосуточный новостной телеканал. Интернет-издание LifeNews.ru было создано в сентябре 2009 года на базе информационно-развлекательного ресурса Life.ru в формате новостного таблоида. В апре-

ле 2016 года сайт издания закрылся, а все ресурсы были переведены на сайт Life.ru. На сегодняшний день Life.ru является одним из наиболее посещаемых и цитируемых российских СМИ, представленных в онлайн-формате.

- Интернет-газета Lenta.ru – одно из ведущих российских новостных интернет-изданий, основанное в 1999 году. Освещает мировые и внутри-российские новости. Материалы издания рубрицируются по нескольким десяткам взаимно пересекающихся тематических и географических разделов, объединяются в сюжеты, а в ряде случаев выделяются в спецпроекты. В апреле 2013 года сайт Lenta.ru занял 5 место по посещаемости среди европейских новостных сайтов.

- Газета.Ru – общественно-политическое интернет-издание, основанное в 1999 году, освещающее российские и мировые новости. Неоднократно входило в Топ-5 самых посещаемых ресурсов Рунета в категории «Новости и СМИ», а также в десятку самых цитируемых новостных ресурсов страны. В 2009 году «Газета.Ru» была признана лучшим деловым средством массовой информации на Всероссийском конкурсе деловой журналистики РСПП.

- AlertaDigital – ультраправая интернет-газета, одно из наиболее популярных сетевых СМИ Испании, публикующее новости Испании и мира. Является лидером среди испанских СМИ по количеству материалов, затрагивающих вопросы межнациональных и межрелигиозных взаимоотношений. Редакция AlertaDigital активно выступает за свободу слова, из-за чего вызывает регулярную критику со стороны властей, а сам сайт постоянно подвергается кибератакам. При этом большая часть населения страны считают издание одним из самых беспристрастных и объективных.

- LibertadDigital – испанский либеральный интернет-журнал, созданный в 2000 году. Изначально на портале публиковались преимущественно новости различных информационных агентств, но в последние несколько лет издание полностью перешло на производство собственного контента. Входит в топ-40 мировых интернет-медиа.

- LaGaceta – общественно-политическая интернет-газета Испании. Тематическими приоритетами издания являются вопросы внешней политики и экономики. Основными принципами редакционной политики издания являются христианский гуманизм, защита прав и свобод человека, единство Испании и независимость судебной системы.

2.2 Язык вражды в российских интернет-СМИ

2.2.1 Анализ материалов информационного портала Life.ru

Тема межнациональных отношений, как выяснилось в ходе настоящего исследования, является одной из приоритетных для журналистов Life.ru. Ежедневно на портале появляются материалы о межнациональных и межэтнических отношениях – как внутри России, так и на международной арене.

По частотности появления в материалах языка вражды Life.ru занимает лидирующие позиции по сравнению с двумя другими исследуемыми российскими источниками. Случаи употребления языка вражды в текстах, касающихся межнациональных отношений, встречаются примерно в 65% из них. При этом необходимо отметить, что язык вражды используется, в основном, в тех материалах, которые касаются ситуации непосредственно внутри страны – здесь примеры речевой дискриминации встречаются практически в каждой статье. Напротив, материалы, посвященные освещению кризиса беженцев в Европе или миграционной политике США в целом достаточно нейтральны и практически не содержат языка вражды.

Основными мишенями языка вражды для журналистов Life.ru являются, в первую очередь, обобщенные группы «мигранты», «гастарбайтеры» и «нелегалы». Кроме того, речевая агрессия зачастую направлена в адрес «китайцев» и «таджиков».

Характерной чертой исследуемых автором текстов является присутствие в них экспрессивной, стилистически сниженной лексики, несущей негативную оценку. Например:

- «Из Санкт-Петербурга в прошлом году по решению суда выдворили 1484 нелегальных мигрантов» (26.01.2017);
- «Машинист московского метро подобрал мигранта, уснувшего в тоннеле» (08.11.2016);
- «Как российский турбизнес справляется с наплывом китайцев» (23.09.2016);
- «Сотрудникам полиции китайцев-нелегалов пришлось буквально ловить по полям» (11.08.2015).

Подобные выражения, несомненно, вызывают у аудитории негативные ассоциации по отношению к мигрантам, которых «подбирают» или «ловят по полям».

Как уже было сказано ранее, язык вражды журналистов Life.ru редко направлен на тех «чужих», которые не имеют непосредственного отношения к нашей стране. Однако единичные случаи все же встречаются:

- «У берегов Ливии выловили тела 28 мигрантов» (05.10.2016);
- «Мигранты на девять часов застряли на заборе между Марокко и испанским анклавом» (12.09.2016).

Встречаются в текстах Life.ru и более явные и жесткие примеры языка вражды, в которых проявляется дегуманизация представителей определенных этнических групп. Зачастую журналисты пишут о представителях других национальностей или народностей в унижительном, а порой даже оскорбительном контексте: «Нелегальных мигрантов вылечат перед депортацией. МВД предлагает проводить обязательную санобработку всех иностранцев в спецприёмниках и лечить их от заразных болезней» (27.04.2017). Автор подает информацию таким образом, что у аудитории возникает ощущение того, что все мигранты являются носителями «заразных заболеваний».

Или другой пример – новость под заголовком «Врачи попросили создать в Москве больницу для бомжей и мигрантов» (12.04.2017). Речь в статье идет о возможном создании «отдельной больницы для бездомных, в том числе для тех, у кого нет документов». Журналист же, подбирая заголовок, уравнивает всех мигрантов с бомжами, чем проявляет дискриминацию по отношению к «чужим».

Такое некорректное написание заголовков не редкость для журналистов Life.ru, занимающихся освещением национальных отношений. Например, новость под заголовком: «Профессор РУДН организовала в своей квартире притон для нелегалов» (10.08.2016). Согласно юридическому словарю, притон – это «помещение для сбора людей с целью осуществления ими определенных противоправных или аморальных действий». В тексте новости же говорится, что женщина, являющаяся профессором известного московского вуза, просто сдавала жильё троим приезжим из Азии, зная, что те находятся на территории России незаконно. То есть, по факту, никакого «притона» там не было, однако журналист использует в заголовке это слово, имеющее яркую негативную окраску, по всей видимости, чтобы создать отрицательный образ приезжих и хозяйки квартиры.

Еще одной тенденцией, характерной для материалов Life.ru, является криминализация этнических групп. Криминальной хронике журналисты исследуемого портала уделяют достаточно много внимания. Все сообщения о чрезвычайных происшествиях, в которых, так или иначе, фигурируют «чужие», преимущественно содержат упоминание об этом факте. Необходимо отметить, что при совершении преступления представителем иной национальности для его названия используется этноним или обобщенное слово «мигрант», который почти всегда выносится в заголовок:

- «Помощник депутата задержал пьяного мигранта, защищая избитого полицейского» (21.03.2017);

- «В посёлке Репино со стрельбой задержали нетрезвого водителя-мигранта» (20.11.2016);
- «В Ленобласти два гражданина Украины незаконно вырубил лес на миллион рублей» (31.01.2017);
- «Мигрант пытался поджечь элитный ЖК в центре Москвы за невыплату зарплаты» (13.10.2016);
- «Мигрант разгромил автобусную остановку на севере Москвы» (06.10.2016);
- «Приезжие из Узбекистана избили полицейских, устроив драку в отделении» (01.10.2015).

При этом указание на национальную принадлежность, как правило, не несет в себе значимой информативной составляющей, поскольку при освещении аналогичных преступлений или нарушений, совершенных россиянами, их национальность не указывается. Таким образом, национальность, по мнению журналистов, имеет вес только в отношении «чужих» преступников. Эта манера подачи информации так или иначе дает понять аудитории, что члены аут-группы являются потенциальными преступниками и опасны для коренного населения.

Таким образом, мигранты чаще всего предстают в текстах Life.ru как потенциально опасные люди. Например, в марте 2016 года была опубликована новость под заголовком «Путин заявил, что преступления мигрантов вызывают беспокойство» (31.03.2016). Из такой формулировки можно сделать вывод о том, что беспокойство вызывают только преступления, совершенные мигрантами. А случаи нарушения закона коренными жителями нашей страны почему-то не вызывает тревоги.

В ходе анализа были также встречены единичные случаи, когда демонизируемой группой становились беженцы, приехавшие в Европу:

- «В Австрии спецслужбы задержали албанца, который планировал теракт в Вене» (21.01.2017);

- «В Германии беженец из Ганы надругался над девушкой под воздействием наркотиков» (14.01.2017).

Но такие примеры – скорее исключение, чем правило, и общей тенденции криминализации аутгруппы «беженцы» в материалах Life.ru не выявлено.

Еще одним косвенным проявлением языка вражды можно назвать манипулятивные приемы, периодически используемые журналистами Life.ru. Например: «Не секрет, что мигранты завозят в Россию ВИЧ-инфекцию, туберкулез, малярию, желтую лихорадку, энцефалит, корь, брюшной тиф, ветряную оспу. Большинство этих заболеваний могут вызвать эпидемию в любом районе» (27.02.017). Автор намеренно подает информацию в искаженном виде, явно преувеличивая существующую проблему, и при этом не приводит никаких аргументов в пользу сказанного.

К разряду косвенных проявлений языка вражды можно также отнести статистические данные, регулярно появляющиеся на страницах Life.ru: «800 тысяч мигрантов попали в черный список ФМС России» (29.04.2015). Хотя в статье представлена только сухая статистика, подобный заголовок способен вызвать у читателя негатив к мигрантам, поскольку значительная их часть – 800 тысяч – оказались злостными нарушителями.

Таким образом, мы видим, что для большей части текстов Life.ru, посвященных вопросу межнациональных отношений, характерно завуалированное использование языка вражды. Однако в ходе нашего анализа был выявлен пример, когда автор использует язык вражды в открытой форме: «Для разумной части европейской элиты было очевидно, что мигранты из мусульманских стран — это не просто культурно далёкая масса людей, которая может уничтожить остатки европейской идентичности, а не-рабочая сила, которая едет поработать Европу, что бы там ни говорили немецкие промышленники, выступая в поддержку политики Меркель» (27.09.2016). При этом здесь мишенью становятся беженцы, которые в большинстве других материалов Life.ru представлены достаточно нейтрально.

Итак, в ходе анализа материалов Life.ru было исследовано 226 текстов, посвященных межнациональным отношениям. В 147-ми из них были отмечены признаки языка вражды – преимущественно в мягкой форме. В 72-х случаях мишенью языка вражды стали «мигранты», 23 раза в качестве объекта дискредитации выступали «нелегалы», 21 – «гастарбайтеры».

2.2.2 Анализ материалов интернет-газеты Lenta.ru

Интернет-газета Lenta.ru, на первый взгляд, выглядит более доброжелательной по отношению к «чужим», чем Life.ru. Большое внимание журналистами «Ленты» уделяется вопросам международных связей, освещению событий в мировой экономике и политике. Помимо непосредственно информационных материалов, публикуется большое количество аналитических статей, в которых авторы тоже стремятся к объективности в вопросах освещения межнациональных отношений.

Примечательно, что тема кризиса беженцев в Европе находится скорее на периферии интересов журналистов Lenta.ru – если сравнивать освещение этого вопроса с другими изданиями. При этом те материалы, которые посвящены указанной теме, в подавляющем большинстве нейтральны и не содержат признаков языка вражды. В ходе исследования был выявлен только один пример, являющийся косвенным проявлением исследуемого феномена: «В Испании мигрантов достали из герметичного тайника с помощью электропилы» (06.09.2016). Хотя новость является довольно трагичной (мигранты чуть не погибли от удушья, пытаясь пробраться в Испанию под днищем минивэна), журналист подбирает несколько ироничный заголовок, в котором при этом проявляется дегуманизация беженцев, которых «достали из тайника».

Несмотря на первоначальную иллюзию объективности портала Lenta.ru по отношению к представителям других национальностей, около половины материалов, в которых так или иначе фигурируют «чужие», содержат в себе при-

знаки мягкого языка вражды. Это касается, в первую очередь, новостей криминального характера (хотя следует отметить, что материалы такого рода появляются в Lenta.ru нечасто):

- «Следователи задержали сбросивших снег на коляску с ребенком гастарбайтеров» (07.02.2017);

- «Приезжие из Средней Азии ограбили африканца в Москве» (11.01.2017);

- «Таджиков заподозрили в похищении подмосковного бизнесмена» (28.02.2015).

Данные примеры наглядно показывают, каким образом реализуется стратегия криминализации и демонизации этничности в новостях. При этом главной целью журналиста становится не столько информирование аудитории о каком-либо социально значимом событии, сколько формирование у читателя определенного облика той или иной национальной группы, к которой принадлежит правонарушитель. Ограбления в Москве происходят каждый день – и федеральные СМИ не пишут о каждом из них. Однако когда грабителями становятся «приезжие из Средней Азии», а жертвой – «африканец», то новость сразу появляется в новостной ленте.

Стремление к принижению, уничижению тех или иных национальных групп также свойственно сайту Lenta.ru. Гости из других государств предстают в материалах российских журналистов как люди низшего сорта, порой даже лишенные статуса человека. Например, в новости о том, что из-за экономического кризиса в Россию будет приезжать меньше иностранных рабочих, журналист использует такой оборот: «В Федерации мигрантов предсказали массовое бегство гастарбайтеров из России» (19.12.2015). Термин «гастарбайтер», который в русском языке давно приобрел негативный оттенок и сам по себе может считаться косвенным проявлением языка вражды (и который журналисты «Ленты» употребляют чаще всего, говоря о приезжих), сопровождается словосочетанием «массовое бегство». Такая формулировка оправдана в случае, когда

речь идет, например, о преступниках, поспешно пытающихся скрыться от наказания за свои правонарушения, но никак не в случае, когда автор пишет об иностранных рабочих – причем о законопослушных их представителях. Но журналист намеренно использует такой оборот, чтобы дегуманизировать «гастарбайтеров», которые совершают «массовое бегство» – словно крысы с тонущего корабля.

Граждане ближнего зарубежья, приезжающие на заработки в Россию, вообще являются одной из главных мишеней языка вражды в материалах Lenta.ru:

- «Можно работать без таджиков – если ты не жадный» (22.09.2016);

- «На сахарном заводе в Курской области не нашли рабов» (о мигрантах) (13.04.2016).

При этом если негатив по отношению к иностранным рабочим еще хоть как-то можно логически объяснить (они нередко являются нарушителями закона, усложняют ситуацию на трудовом рынке и т.д.), то агрессия в адрес других «чужих» – туристов – вообще не поддается пониманию. Например, новость о том, что туристы из Китая не приносят большой прибыли российской экономике, вышла под заголовком «Бесполезные гости» (29.11.2016). Такой эпитет, несомненно, несет в себе пренебрежительный (и даже унижительный) оттенок по отношению к иностранным путешественникам. При этом можно предположить, что если бы речь шла о гостях не из Китая, а, например, из какой-нибудь европейской страны, журналист был бы более корректен в подборе определений.

Или заголовок «Таджикским самоучкам дадут документы о профессиональной подготовке» (27.10.2016) к новости о том, что «граждане Таджикистана, которые освоили рабочие специальности, не посещая образовательные учреждения, смогут получить документ о профессиональной подготовке». Автор мог бы выбрать более корректное, чем «таджикские самоучки», словосочетание, но он – намеренно или нет – предпочел выбрать такое, которое имело бы пренебрежительный оттенок, пусть и не слишком явный.

Стратегия дискриминации той или иной национальной группы в журналистских материалах Lenta.ru нередко реализуется посредством использования различных манипулятивных приемов. Например, авторы могут использовать в своих материалах бездоказательные утверждения, которые преподносятся в форме аксиом: «Сомневаться в том, что уровень иностранной преступности и потоки нелегалов уменьшатся, не приходится» (13.04.2016). При этом никаких фактов, подтверждающих это утверждение, автор не приводит.

Или: «Поставки наркотиков в страну напрямую связаны с иностранцами» (13.04.2016). Информация подается таким образом, что вызывает у читателя недоверие к иностранцам – ведь именно они, как следует из текста, поставляют наркотики в России. Как и в предыдущем примере, никаких наглядных фактов, подтверждающих сказанное автором, в тексте нет.

Восприятие «чужих» как опасных, враждебно настроенных людей также может подкрепляться стилистически сниженной лексикой. Например: «Путин призвал лучше защищать интересы россиян на фоне притока гастарбайтеров» (24/04/2017). Помимо общего тревожного тона новости (мигранты, как следует из текста, могут нарушить интересы коренного населения страны) негативную окраску сказанному придает и термин «гастарбайтеры» (который, как уже было отмечено ранее, в нашем языке лишен нейтральности), и употребленное по отношению к иностранцам слово «приток».

Аналогичную ситуацию мы видим и в других текстах: «Сбербанк предупредил о наплыве мигрантов в Россию из-за роста экономики» (09.03.2017). Здесь тоже используется сниженная лексика («наплыв мигрантов»), а ощущение угрозы извне подкрепляется глаголом «предупредил», который обычно свидетельствует о какой-либо возможной опасности.

В целом, можно отметить, что процентное содержание материалов, в которых присутствуют те или иные признаки языка вражды, в интернет-газете Lenta.ru несколько меньше, чем на портале Life.ru. В ходе работы было идентифицировано и проанализировано 86 текстов, касающихся вопросов межнацио-

нальных отношений. Из них только 46 материалов (53%) содержат язык вражды. Однако в целом оба издания демонстрируют сходные тенденции в освещении вопросов межнациональных отношений.

2.2.3 Анализ материалов интернет-издания Газета.ru

В отличие от интернет-изданий Life.ru и Lenta.ru, где мишенями языка вражды чаще всего становятся обобщенные аутгруппы «мигранты», «гастарбайтеры», «нелегалы», журналисты «Газеты» объектом речевой агрессии чаще всего выбирают какие-либо конкретные национальные или этнические сообщества: «киргизы», «приезжие из Средней Азии».

Значительная часть материалов Газета.ru, касающихся вопросов межнациональных отношений, как выяснилось в ходе мониторинга, относится к разделу «Новости регионов». Большой пласт новостей, несущих в себе информацию о потенциальных объектах языка вражды, отражает деятельность Федеральной миграционной службы по выявлению и депортации нелегальных мигрантов, а также криминальные новости, в которых фигурируют иностранцы. Основную массу таких текстов, формально являющихся нейтральными, можно отнести скорее к сомнительным, поскольку сама тематика и количество подобных новостей создают в целом негативный образ иностранных граждан.

Ведущей тенденцией, как и в рассмотренных ранее СМИ, является криминализация представителей других национальностей. Все заголовки криминальных новостей, связанных с иностранцами, содержат в себе этноним, указывающий на национальность преступника:

- «В Ессентуках за хранение тротиловых шашек задержаны трое приезжих из Средней Азии» (19.01.2017);
- «В Иркутске суд заочно приговорил гражданина Франции к 15 годам колонии» (26.12.2016);
- «Таджикки-террористы полегли под Владимиром» (19.04.2017);

- «В Казани киргиза посадили на девять лет за убийство проститутки» (04.02.2016).

Иногда национальность преступника намеренно подчеркивается журналистом в тексте несколько раз: «Рыбак из КНДР осужден на четыре года за нападение на российских пограничников <...> Находкинский городской суд Приморского края приговорил гражданина КНДР к четырем годам колонии за применение насилия в отношении российских пограничников. <...> Рыбак из КНДР будет отбывать наказание в колонии общего режима» (09.03.2017).

Такое навязчивое называние журналистом определенной национальности в крайне негативном контексте представляется немотивированным. Не до конца понятно, намеренно ли автор использует такую навязчивую формулировку несколько раз в новости, состоящей, по сути, из трех абзацев. В любом случае данное сообщение является одним из явных примеров криминализации и демонизации.

Косвенным проявлением языка вражды можно также считать тексты новостей, написанные в явной ироничной, а иногда даже саркастической манере:

- «Молодую пару кубинцев депортировали из Магадана за нарушение закона <...> Увлечшись путешествием по Дальнему Востоку, будущие супруги с Кубы не заметили, что время их пребывания в России уже истекло» (21.12.2016);

- «В ходе проверки на территории автомастерской «Хуа-Шен» три гражданина Китайской Народной Республики исполнили акробатические трюки, выпрыгнув в оконный проем второго этажа, который по размерам похож на обычную домовую форточку, куда не смог бы пролезть даже подготовленный спортсмен» (05.06.2015).

Журналист как бы насмехается над «чужими», демонстрируя читателям пренебрежение к членам аутгруппы.

Ранее мы отмечали, что журналисты Life.ru и Lenta.ru достаточно редко выбирают в качестве мишени языка вражды представителей тех национально-

стей, которые не имеют прямого отношения к России. В текстах Газета.ru, напротив, наряду с гражданами ближнего зарубежья объектами дискриминации становятся, например, беженцы, приезжающие в Европу:

- «В центре Берлина полуголый беженец из Египта забрался на фонтан» (12.09.2016);

- «Россиянка из-за беженцев увезла детей от мужа из Франции» (04.08.2016).

Беженцы предстают перед читателями как опасные, нарушающие спокойствие европейцев люди. Таким образом, можно говорить о тенденции к демонизации этой аутгруппы.

Кроме того, объектами языка вражды корреспондентов Газета.ru становятся и украинские беженцы, которых другие исследуемые СМИ описывают в нейтральном тоне. Здесь же мы можем увидеть такие примеры: «Белорусы стонут от беженцев из Донбасса» (05.07.2016).

Встречаются также среди материалов Газета.ru такие примеры, где та или иная нация описывается в оскорбительном контексте: «Поймали одного наркоторговца, несколько киргизов и узбеков, которые не имели права находиться в РФ или ездили по давно отозванным лицензиям» (05.09.2016). Автор ставит в один ряд опасных преступников-наркоторговцев и «киргизов и узбеков» с просроченными документами, хотя очевидно, что это правонарушения совсем разного порядка. В результате мы снова видим пример криминализации и демонизации национальных сообществ.

Кроме того, в качестве примеров языка вражды можно привести некорректные, стилистически сниженные заголовки, например: «Водителям-мигрантам добавили год» (06.04.2017). «Добавляют год» обычно к сроку заключения, и у человека, прочитавшего этот заголовок, наверняка возникнут подобные ассоциации. Тем временем новость вообще не касается темы заключения и правонарушений, ее суть в том, что работающим водителями мигрантам

могут разрешить еще год ездить по национальным водительским удостоверениям, не меняя их на российские.

Еще один пример некорректного заголовка, косвенно являющегося языком вражды: «Средняя Азия оккупирует Жуковский» (30.05.2016). В новости говорится о том, что киргизская и казахстанская авиакомпании станут летать в аэропорт «Жуковский». В свою очередь, автор подбирает заголовок с негативной окраской, который, к тому же, не соответствует смыслу новости.

Также можно отметить, что нередко стилистически сниженные замечания в отношении иностранцев журналисты Газета.ru представляют в своих материалах в форме цитат, таким образом снимая с себя ответственность за опубликованные враждебные высказывания: «Вопрос в том, хватит ли у российской власти сил, возможностей и желания превратить поступающий из Средней Азии потенциально «горючий материал», как выразился известный политолог, в законопослушных граждан» (30.04.2017). Здесь мы снова видим явный пример дегуманизации граждан Средней Азии, которых сравнивают с «горючим материалом», но при этом журналист как бы отказывается от авторства, ссылаясь на «известного политолога».

Статистические данные также становятся оружием языка вражды в текстах «Газеты». Как правило, к статистике журналисты обращаются тогда, когда речь идет о каких-либо преступлениях: «Выходцы из стран Азии совершают в Москве 75% изнасилований» (25.08.2016).

При этом зачастую журналисты грешат так называемыми «статистическими соблазнами», что также является признаком языка вражды в тексте, по мнению Г. Кожевниковой. Например: «иностранными гражданами и лицами без гражданства» на территории России в 2015 году совершено 48 210 преступлений, что почти на 6% больше прошлогоднего показателя» (13.10.2016). При этом автор умалчивает, сколько преступлений совершено российскими гражданами, и какова общая тенденция роста (или, напротив, снижения) уровня преступности. Возможно, что количество преступлений, совершенных гражданами

России, выросло на большее количество процентов, но об этом в тексте не говорится.

За исследуемый нами период на интернет-портале Газета.ru было опубликовано 112 материалов, в которых затрагивались вопросы межнациональных отношений. В 67-ми из них было отмечено присутствие языка вражды. В отличие от двух других рассматриваемых российских интернет-СМИ, в материалах Газета.ru обобщенная группа «мигранты» становится объектом языка вражды достаточно редко – всего в 11-ти случаях. Чаще всего речевая агрессия направлена в адрес «выходцев/приезжих из Средней Азии» (эта мишень встречалась в 23-х текстах), «киргизов» (17 текстов), «таджиков» (16 текстов).

Итак, мониторинг материалов трех ведущих российских СМИ показал, что язык вражды, преимущественно в мягком проявлении, характерен для большинства текстов о межнациональных отношениях. Всего нами было исследовано 424 материала, 260 из которых (61%) содержали язык вражды.

2.3 Язык вражды в испанских интернет-СМИ

2.3.1 Анализ материалов интернет-газеты AlertaDigital

Интернет-газета AlertaDigital, являющаяся лидером по числу публикуемых материалов о межнациональных отношениях, активно пропагандирует свободу слова. Поэтому закономерно, что язык вражды является характерным для контента данного издания. В той или иной мере исследуемый нами феномен проявляется в подавляющем большинстве текстов (около 75%). Основными мишенями языка вражды являются «беженцы» и «мусульмане».

Наиболее распространенной тактикой проявления речевой враждебности по отношению к «чужим» является активное использование стилистически сниженных слов:

- «Con la importación masiva de extranjeros de distintas razas y culturas» («С массовым ввозом иностранцев разных рас и культур») (27.03.2017);

- «No hay ningún problema con un puñado de extranjeros en cada país» («Нет никакой проблемы с горсткой иностранцев в каждой стране») (20.02.2017);

- «Los refugiados musulmanes costarán a Alemania 50.000 millones de euros en los próximos dos años» («Мусульманские беженцы будут стоить Германии 50.000 миллионов евро за следующие два года») (02.02.2016);

- «¿Quién puede pensar que es beneficioso para una nación llenarla de extranjeros?» («Кто может считать, что это выгодно, если нация заполнится иностранцами?») (20.02.2017);

- «Fuentes de la Guardia Civil ha dicho que muchos ilegales se han desperdigado por distintas calles de la ciudad, por lo que no se sabe el número exacto de personas que han podido entrar, ya que todavía están haciendo un recuento» («Источники в Национальной гвардии отмечают, что многие нелегалы были разбросаны по разным улицам города, так что точное число людей, которые могли проникнуть в страну, до сих пор не подсчитано») (31.10.2016).

Люди, принадлежащие к другой национальности, изображаются испанскими журналистами в роли неодушевленных предметов, которые можно «ввезти», «разбросать». Лексика, используемая авторами статей, как видно из примеров, экспрессивна и несет явный уничижительный смысл.

Встречаются также и примеры более жесткого языка вражды: «Conocido ahora como «el cazador de inmigrantes», Valev, rapado y fornido, defiende su derecho a proteger Bulgaria de lo que considera «basura» («Известный в качестве «охотника на мигрантов», Валев, короткостриженный и мощный, отстаивает свое право на то, чтобы защищать Болгарию от того, что он считает «мусором») (09.02.2017). Здесь тактика дегуманизации видна еще более явно. При этом слово «мусор», характеризующее мигрантов, автор текста берет в кавычки, очевидно ссылаясь на слова героя новости. Однако общий тон текста дает читателю

лю понять, что журналист солидарен с «охотником на мигрантов» в оценке его потенциальных «жертв».

Часто, пытаясь показать читателю свое негативное отношение к «чужим», авторы AlertaDigital употребляют в тексте прямые оскорбления в их адрес:

- «Los inmigrantes siembran el caos en muchas ciudades ante la cobardía de los franceses» («Иммигранты сеют хаос во многих городах из-за трусости Франции») (11.12.2016);

- «Arabia Saudita es bárbara, corrupta, retrógrada, y hostil a todos los que no profesan el Islam» («Саудовская Аравия – это страна варварская, коррумпированная, ретроградная и враждебно настроенная ко всем, кто не исповедует ислам») (03.04.2016);

- «Tres guardias civiles son agredidos por los salvajes y resultan heridos: Un total de 110 ilegales logran saltar la valla de Melilla» («Трое городских полицейских подверглись нападению дикарей и получили ранения: в общей сложности 110-ти нелегалам удалось перебраться через забор Мелильи») (09.04.2016).

Как показал мониторинг портала AlertaDigital, журналисты ставят своей целью создать в сознании аудитории образ мигранта как человека потенциально опасного, воинственно настроенного, стремящегося к уничтожению тех, кого он считает чужими – то есть коренного населения Испании:

- «Creo que la invasión de inmigrantes que estamos viviendo es parte de un plan para destruir Europa, y nace de un odio hacía la raza blanca» («Я считаю, что вторжение иммигрантов, которое мы переживаем, является частью плана по уничтожению Европы и рождено из ненависти к белой расе») (20.02.2017);

- «Y olvidarnos de lo cristianos que son perseguidos y asesinados en países de obediencia islámica» («И заставляют нас забыть о христианах, которых преследовали и убивали в исламских странах») (03.04.2017);

- «El «burkini» no es una prescripción del Corán, sino una manifestación más del islam político, militante y destructivo, que busca impugnar nuestro estilo de vida, nuestra cultura y nuestra civilización» («Ношение буркини это не предписание

Корана, а проявление политического, воинствующего и деструктивного ислама, который пытается оспорить наш образ жизни, нашу культуру и нашу цивилизацию») (21.09.2016).

- «El plan para acabar con la raza blanca sigue su hoja de ruta: La UE prevé la llegada a Europa de 1,5 millones de inmigrantes cada año» («План уничтожения белой расы продолжает свой путь: ЕС ожидает прибытия в Европу 1,5 миллиона иммигрантов в год») (05.08.2016).

Подобные высказывания всегда даются в категоричной форме, чтобы у читателя не могло возникнуть никаких сомнений в истинности сказанного: «чужие» опасны и хотят нас уничтожить. Необходимо отметить, что отсутствующая или минимально представленная вероятностная модальность является одним из маркеров языка вражды.

Как и в российских СМИ, в AlertaDigital в качестве языка вражды могут выступать статистические данные. Например, новость под заголовком: «El número de musulmanes que viven en España se acerca a los dos millones y el 42% ya tiene la nacionalidad Española» («Число мусульман, проживающих в Испании, составляет около двух миллионов и 42% уже имеют испанское гражданство») (12.02.2017). Материал, по сути, состоит из сухих статистических данных, иллюстрирующих ускоряющуюся динамику прироста мусульманского населения, но характер его содержания указывает читателю на потенциальную угрозу со стороны носителей другой религии.

Или: «España, sin españoles: En 2027, la población extranjera superará a la nativa y en 2037 habrá un español por cada tres extranjeros» («Испания без испанцев: в 2027 году иностранное население превзойдет коренное по численности, а в 2037 году на одного испанца будет приходиться три иностранца») (15.01.2017). Автор намеренно усугубляет и без того нерадостные статистические данные, используя перед оглашением статистики оборот «Испания без испанцев» (который, как надо отметить, не соответствует действительности).

Статистические данные чаще всего преподносятся таким образом, чтобы «сгустить краски» над проблемой, которая и так остро стоит в обществе: «El 49 por ciento de los inmigrantes expulsados de los CIE este año cuentan con antecedentes penales» («49 процентов мигрантов, высланных из Центра временного содержания иностранцев в этом году, имеют судимости») (23.10.2016). Если вдуматься, то очевидно, что людей не высылают из страны просто так – они наверняка нарушили закон, а значит, являются если не преступниками, то хотя бы правонарушителям. Поэтому вполне логично, что многие из них имеют судимости. Однако этот факт преподносится таким образом, что в создании читателя может возникнуть представление о том, что каждый второй иммигрант является преступником.

Рассмотрим другой пример некорректного использования статистики: «Marruecos, Rumanía y Colombia se reparten casi la mitad de los presos extranjeros en España» («Марроканцы, румыны и колумбийцы составляют почти половину заключенных-иностранцев в Испании») (18.04.2016). Скорее всего, данные, представленные автором статьи, являются верными. Однако указанный им факт совсем не свидетельствует о том, что марокканцы, румыны и колумбийцы – представители самых криминальных наций, как это кажется из текста. Вероятнее, большое количество заключенных из этих стран объясняется тем, что представителей именно этих национальностей в Испании проживает больше, чем других иностранцев.

Криминализация аутгруппы «беженцы» – ведущая тенденция, прослеживаемая в текстах интернет-газеты AlertaDigital. Ежедневно на портале публикуются новости о тех или иных преступлениях, совершенных мигрантами, в которых авторы намеренно подчеркивают национальную принадлежность преступника:

- «¡Bienvenidas a la Europa real! Dos árabes violan a una joven catalana de 26 años cerca del aeropuerto de Múnich» («Добро пожаловать в настоящую Европу!

Два араба изнасиловали 26-летнюю каталонку возле аэропорта Мюнхена») (30.04.2017);

- «Un grupo de magrebíes provocan un incendio en el interior de una cueva en Almería y matan a tres jóvenes españoles» («Группа североафриканцев устроила пожар внутри пещеры в Альмерии и убила трех молодых испанцев») (05.04.2017).

При этом национальная принадлежность жертвы подчеркивается только в тех случаях, когда ею является представитель коренного населения Испании. В других же случаях о национальности пострадавшего умалчивается: «Detenido un extranjero por asestar cuatro cuchilladas a su compañero de piso por roncar» («Арестован иностранец, нанеся четыре ножевых ранения своему соседу по комнате из-за храпа») (17.02.2017). Инцидент произошел в квартире, которую нападавший арендовал вместе еще с несколькими людьми и можно предположить, что и пострадавший является иностранцем, однако об этом в тексте ничего не говорится.

Аналогичный пример: «Dos jóvenes denuncian por acoso sexual a un grupo de refugiados en un festival de Amberes» («Двое молодых людей пожаловались на сексуальные домогательства со стороны группы беженцев на фестивале в Антверпене») (03.08.2016). Кем по национальности являются «двое молодых людей», автор не указывает, акцентируя внимание только на том, что преступниками являются беженцы.

Проявления к криминализации представителей других национальностей, религий или рас встречаются и в более жестких формах, когда автор новости намеренно разжигает межнациональную рознь: «Ataque racista en Mijas (Málaga): Un negro asesta diez martillazos en la cabeza a una mujer blanca sin mediar palabra» («Расистское нападение в Михас (Малага): Чернокожий нанес десять ударов молотком по голове белой женщине, не проронив ни слова») (06.05.2016). Громкий заголовок «Расистское нападение», как оказывается после прочтения текста, не имеет отношения к реальности. Мотивы нападения,

совершенного мужчиной, как описывается в статье, не выяснены. К тому же сам он «не проронил ни слова». Непонятно, на каком основании автор текста решил, что нападение было расистским. Только потому, что нападавший чернокожий, а жертва – белая? Но этого факта недостаточно, чтобы делать подобные выводы.

В числе других форм языка вражды, отмеченных в исследуемых текстах, можно назвать саркастическую манеру подачи материала, которая нередко встречается на страницах портала AlertaDigital: «Seguimos oyendo hablar a diario de esos pobres refugiados que huyen desesperadamente de la brutal guerra civil» («Мы ежедневно слышим об этих бедных беженцах, которые отчаянно бегут от жестокой гражданской войны») (13.03.2017). Автор в открытой форме насмехается над беженцами, оказавшимися в трудном положении. Складывается впечатление, что проблемы «чужих» слишком преувеличены и недостойны внимания, и что на самом деле никаких трудностей в родных странах у беженцев нет. А значит, они нелегально проникают в европейские страны, поэтому необходимо их выгонять.

При этом обратная сторона медали – проблемы уже европейцев, связанные с массовой миграцией в их страны – напротив, преувеличиваются: «¿Por qué no dan cianuro a los europeos para acabar antes? Más de un centenar de subsaharianos ilegales logran entrar a Melilla». («Почему бы не дать цианистый калий европейцам, чтобы закончить раньше? Более ста нелегалов из Черной Африки проникли в Мелилью») (04.09.2016).

В отличие от российских СМИ, где язык вражды проявляется преимущественно в мягкой и реже в средней форме, в испанских интернет-медиа можно обнаружить и примеры жесткого языка вражды. Например, призывы к насилию, встречающиеся в заголовках: «¡Despierta, Europa, despierta! No es tiempo de velas, es tiempo de balas!» («Проснись, Европа, проснись! Не время свечей, время пуль!») (23.03.2017). Статья была опубликована в марте 2017 года, после теракта в Лондоне, где автомобиль, за рулем которого находился экстремист, на

Вестминстерском мосту сбил несколько десятков человек. Автор призывает читателей «браться за оружие» и начинать борьбу против мусульманского населения, которого в Европе становится все больше. Такая открытая агрессия в адрес приверженцев другой религии, бесспорно, является тревожным сигналом и свидетельствует о крайне напряженной обстановке, сложившейся в европейском сообществе. Вместо того чтобы пытаться как-то сглаживать ситуацию, журналисты, напротив, намеренно усугубляют ее.

Как уже было отмечено, интернет-газета AlertaDigital является лидером по количеству публикаций, посвященных вопросам межнациональных отношений. Так, в ходе нашей работы было рассмотрено 653 текста, 490 из которых содержали язык вражды. Примерно в половине текстов (262 материала) мишенью языка вражды становились «беженцы», 164 раза объектом дискредитации были «мусульмане». При этом необходимо отметить, что в одном и том же тексте нередко присутствовали сразу две (а иногда и более) мишени языка вражды.

2.3.2 Анализ материалов интернет-газеты LaGaceta

Тематическими приоритетами издания LaGaceta являются вопросы международной политики и экономики. Поэтому закономерно, что большинство материалов, публикуемых в данном СМИ, так или иначе затрагивают вопросы межнационального взаимодействия. Как и в интернете-газете AlertaDigital, в LaGazeta основными мишенями языка вражды являются обобщенные группы «беженцы» и «мусульмане».

Главной отличительной чертой текстов LaGazeta является использование понятия «беженцы» в кавычках: «Prensa y autoridades ocultan la delincuencia de los «refugiados» («Пресса и власти скрывают преступления «беженцев») (06.10.2015). Тем самым автор ставит под сомнение статус беженца, присваиваемый мигрантам, а, следовательно, переводя человека, спасающегося от ужасов войны, в ранг опасного преступника, незаконно прорывающегося через

границу другого государства. Данная тенденция прослеживается более чем в половине материалов издания и, безусловно, является формой проявления языка вражды по отношению к приезжим.

На тему трактовки самого понятия «беженцы» журналисты LaGazeta пишут очень часто, посвящая этому целые аналитические материалы и пускаясь в пространные рассуждения о том, должны ли те, кого называют беженцами, быть приняты в Европе:

«¿Estamos obligados a acoger a los refugiados? El propio lenguaje predetermina la respuesta. ¿Cómo no acoger a un refugiado? Es sorprendente la unanimidad de casi todos los medios de comunicación occidentales a la hora de escoger las palabras. Quizá las respuestas diferirían si la pregunta se formulara así: «¿Estamos obligados a acoger a los inmigrantes ilegales»? Aún más incierto sería el resultado con esta otra fórmula: «¿Estamos obligados a acoger a los clandestinos?». Pero no: se habla de «refugiados». Y, claro, ¿cómo no acoger a un refugiado? ¿Quién tiene tan mala entraña como para no solidarizarse con la desdicha ajena?»

(«Обязаны ли мы принимать беженцев? Сама формулировка предопределяет ответ. Как не принимать беженцев? Это удивительное единодушие практически всех западных СМИ при выборе слов. Возможно, ответы будут отличаться, если сформулировать вопрос следующим образом: «Должны ли мы принимать незаконных иммигрантов»? Еще более неопределенным будет ответ при другой формулировке вопроса: «Обязаны ли мы принимать нелегалов?». Но нет: всегда говорится о «беженцах». И, конечно же, почему бы не принять беженца? Кто будет столь бессердечен, что не проявит солидарность к несчастьям других?») (18.09.2015).

Подобные обличительные и разоблачительные конструкции в рассмотренных текстах LaGazeta представлены в изобилии:

«Hace aproximadamente un año y medio, cuando estalló la mal llamada «crisis de los refugiados», Europa tuvo que tomar una decisión sobre sí misma: o guardar sus fronteras y su identidad cultural – y, de paso, su seguridad interior – o ceder a las

presiones de quienes imponían una apertura a todo trance sin reparar en las consecuencias. Pudimos asistir entonces a un espectáculo intelectualmente bochornoso –por irracional- que consistió en confundir refugiados con inmigrantes y explotar el sentimentalismo de la opinión pública al tiempo que se demonizaba a quienes trataban de advertir sobre los riesgos. Toda Troya suele caer cuando se deja de prestar oído a Casandra. Hoy estamos donde estamos». («Приблизительно полтора года назад, когда взорвался так называемый «кризис беженцев», Европа была должна принимать решение о самой себе: или охранять свои границы и свое культурную идентичность – и, следовательно, свою внутреннюю безопасности – или поддаться давлению тех, кто выступает за открытие границ любой ценой, независимо от последствий. Теперь мы можем наблюдать интеллектуально неловкое (из-за своей иррациональности) зрелище – состоящее из беженцев, смешавшихся с мигрантами и паразитирующих на общественной сентиментальности, которая, в то же время, демонизирует тех, кто пытался предупредить о рисках. Троя падает, когда перестают внимать Касандре. Сегодня мы там, где мы есть») (02.11.2016).

Как видно, словосочетание «кризис беженцев» автор намеренно взял в кавычки, подчеркивая тем самым то ли ироничное, то ли пренебрежительное отношение к такому взгляду на существующую в европейском обществе проблему.

В целом, злая ирония прослеживается в большей части текстов LaGazeta, касающихся вопросов межнациональных отношений. Иногда она подкрепляется различными выразительными языковыми средствами. Например: «El camino del infierno, como es sabido, está empedrado de buenas intenciones» («Дорога в ад, как известно, вымощена благими намерениями») (14.11.2016). Речь идет о ситуации открытия границ для беженцев некоторыми европейскими странами. Использованное автором крылатое выражение придает экспрессивности его словам, при этом ситуация с беженцами отождествляется с адом, что, безусловно, является косвенным языком вражды.

Как и в текстах интернет-газеты AlertaDigital, в LaGazeta европейский народ изображается в образе объекта заговора арабских и африканских стран, которые намеренно пытаются захватить Евросоюз. Такая манера подачи информации, в соответствии с классификацией Галины Кожевниковой, может быть определена как обвинение группы в попытках захвата власти или в территориальной экспансии, и должна быть отнесена к среднему языку вражды.

Нередко в сговоре с «захватчиками» журналисты обвиняют представителей власти той или иной европейской страны: «Mientras esa gente continúe mandando, Europa seguirá caminando resueltamente hacia el suicidio» («В то время как эти люди продолжают прибывать, Европа решительно следует к самоубийству») (04.03.2016). К «самоубийству», по мнению автора, Европу ведут как раз политические лидеры, выступающие за то, чтобы принимать у себя беженцев.

Примечательно, что иногда мишенью языка вражды в LaGazeta становятся не беженцы в общем, а только их мусульманские представители. Журналисты планомерно разделяют всех мигрантов на христиан и мусульман, последние из которых всегда выставляются в негативном свете: «Refugiados musulmanes maltratan a los cristianos» («Мусульманские беженцы истязают христиан») (28.08.2016). Под христианами в приведенном примере подразумеваются именно беженцы-христиане.

Излюбленным приемом журналистов также являются ссылки на третьих лиц. Дискриминирующие выражения приводятся в качестве прямой речи кого-либо: «Una traductora de refugiados: «Hay muchos que odian a los cristianos» («Переводчица беженцев: «Многие из них ненавидят христиан») (22.11.2016). И хотя в данном случае слова принадлежат не самому автору текста, наличие их на страницах медиа все равно является признаком языка вражды.

Статистические соблазны, характерные для большинства проанализированных нами интернет-медиа, не обошли стороной и тексты LaGazeta. Например, новость под заголовком: «Un informe sobre delitos cometidos por extranjeros muestra que los asesinatos cometidos por marroquíes han aumentado un 30%» («От-

чет о преступлениях, совершенных иностранцами показывает, что убийства, совершенные марокканцами, увеличились на 30%») (06.05.2016). Приведенная автором статистика явно свидетельствует о его стремлении к криминализации представителей Марокко: в статье говорится только о росте числа преступлений, совершенных только членами этой национальной группы. О других иностранцах, совершающих преступления, почему-то умалчивается. Как не упоминается и о статистике убийств, совершаемых самими испанцами. Можно сделать вывод, что, по мнению автора, национальность убийцы имеет какое-либо значение, только если он марокканец.

Новости, содержащие те или иные статистические данные, и формально являющиеся нейтральными, появляются в ленте LaGaceta. С завидной регулярностью. Большинство из них иллюстрируют сообщения о мусульманах. Например, о динамике роста мусульманского населения: «En el año 2030 en el conjunto de Europa residirán unos 100 millones de musulmanes» («В 2030 году по всей Европе будет проживать около 100 миллионов мусульман») (12.04.2017). Хотя прямых проявлений языка вражды в таких сообщениях нет, их избыточное количество в новостной ленте может вызвать у читателя ощущение угрозы со стороны носителей другой религии, которых в Европе становится все больше.

Еще один пример не вполне корректного обыгрывания журналистом статистических данных – новость под заголовком: «Más de 1.500 musulmanas se niegan a cumplir la ley» («Более полутора тысяч мусульман отказываются соблюдать закон») (14.10.2015). В сознании аудитории при прочтении такого заголовка, скорее всего, сразу возникнет ассоциация с какими-либо опасными преступлениями, которые совершили полторы тысячи мусульман. Однако, перейдя по ссылке в текст самой новости, мы видим, что речь здесь идет о том, что полторы тысячи мусульманских женщин, проживающих во Франции, продолжают носить паранджу, хотя это запрещено.

Также можно отметить, что в некоторых текстах язык вражды может выражаться более явно – в форме лозунгов или категоричных утверждений.

- «Inmigrantes, no vengáis más!» («Мигранты, не приезжайте больше!») (04.03.2016);

- «La inmigración islámica debe parar. No podemos asimilar más musulmanes» («Исламская миграция должна прекратиться. Мы больше не можем принимать мусульман») (23.11.2015).

Криминализация национальных групп, реализуемая посредством употребления этнонимов (либо обобщенных понятий, по которым можно идентифицировать «чужих»), не является ведущей тенденцией в текстах LaGaceta. Это можно объяснить, в первую очередь, тем, что непосредственно криминальные новости – скорее исключение для данного СМИ. Однако единичные случаи все же встречаются:

- «Refugiados agreden a una reportera italiana en el centro de Roma» («Беженцы напали на итальянского репортера в центре Рима») (08.04.2017);

- «Tres inmigrantes detenidos por agredir a guardias civiles en Ceuta» («Трое иммигрантов задержаны за нападение на городских полицейских в Сеуте») (14.09.2016).

В целом, журналисты LaGaceta отличаются чуть большей лояльностью к представителям других национальностей и религий, чем их коллеги из AlertaDigital. Тем не менее, признаки языка вражды содержат более половины публикуемых текстов – 249 из 416-ти. Отметим, что в материалах данной газеты конкретные этнические группы (например, «марроканцы», «арабы») становятся мишенями языка вражды крайне редко – всего в 11% случаев.

2.3.3 Анализ материалов интернет-журнала LibertadDigital

Интернет-журнал LibertadDigital, являющийся либеральным изданием и при этом не поддерживающий политику ни одной из существующих в Испании партий, особое внимание уделяет освещению вопросов внешней политики государства.

Тема кризиса беженцев в Европе является одной из ведущих в данном издании. Этому вопросу даже посвящены специальные тематические разделы портала: «Refugiados» («беженцы») и «Inmigración ilegal» («нелегальная иммиграция»). В ходе мониторинга материалов данного издания была отмечена интересная особенность: в отличие от других рассматриваемых нами СМИ, которые, как правило, представляют «чужих» либо в нейтральном, либо в негативном свете, в материалах LibertadDigital сочетаются две противоположные точки зрения. Около половины текстов, посвященных проблемам беженцев (которые являются основной мишенью языка вражды в данном СМИ) содержат более или менее явные проявления дискриминации, в другой же половине материалов, напротив, журналисты призывают аудиторию к толерантности и состраданию по отношению к приезжим. Данный факт можно объяснить, по нашему мнению, стремлением редакции создать иллюзию объективности, всестороннего рассмотрения проблемы. Но в целом такая редакционная политика, на наш взгляд, вызывает вопросы.

Как уже было отмечено, около половины текстов LibertadDigital, посвященных вопросу межнациональных отношений, все же содержат признаки языка вражды. Характерными для данного издания являются тексты, где наибольшим злом для европейцев вообще и испанцев в частности являются мусульмане: «Cada vez que estemos más convencidos de que el problema es el mundo islámico» («Каждый раз мы все больше убеждаемся в том, что проблема в исламском мире») (04.04.2017). Представители иной религии описываются как опасные, непримиримые, стремящиеся к подавлению христиан. Для большей выразительности авторы зачастую используют экспрессивную лексику: «Nos dijeron que se beberían nuestra sangre», cuenta Die Welt sobre el retorno de una familia al infierno islámico» («Они сказали нам, что будут пить нашу кровь», говорит Die Welt о возвращении семьи в исламский ад») (30.09.2015).

Демонизации мусульманского сообщества также способствуют выражения вроде: «No todos los musulmanes son terroristas, pero todos los terroristas son

musulmanes» («Не все мусульмане террористы, но все террористы – мусульмане») (27.08.2016).

Мусульмане – не единственные, кто изображается журналистами в качестве внешнего врага европейцев. Мишенями языка вражды могут выступать и представители других религий или наций: «Millones de asiáticos y africanos se aprestan a asaltar pacíficamente las fronteras de la Unión Europea <...> No se pueden poner puertas al campo» («Миллионы азиатов и африканцев готовятся к мирному штурму границ Европейского Союза <...> Вы не можете остановить волну») (30.08.2015). В данном примере можно увидеть целый спектр приемов, посредством которых создается образ врага. Это и окюморонное словосочетание «мирный штурм», свидетельствующее об угрозе со стороны «чужих», и преувеличение «миллионы», гиперболизирующее масштабы проблемы, и отсутствие вероятностной модальности высказывания – «вы не можете остановить волну».

Несмотря на то, что журналисты LibertadDigital, анализируя проблему беженцев, нередко подчеркивают причастность к происходящему и самих европейцев (испанцев), мигранты все же становятся объектами языка вражды: «Nemos convertido un drama gigantesco de cuyos orígenes no somos ajenos, en una amenaza para los europeos; es decir, hemos dado la vuelta al problema para convertir esta tragedia en un atentado contra nuestro modo de vida» («Перед нами разворачивается огромная драма, происхождению которой мы не чужды, угроза для европейцев; то есть, мы сами повернули проблему так, что эта трагедия превратилась в атаку на наш образ жизни») (04.04.2017). Слово «атака», ассоциирующееся в человеческом сознании с войной, опасностью, отождествляется в данном случае с притоком мигрантов, что свидетельствует о демонизации данной аутгруппы.

Как и журналисты других СМИ, корреспонденты LibertadDigital нередко используют статистические данные в целях криминализации представителей «чужих»: «A venta de armas se dispara un 11 por ciento en último año, coincidiendo

con la oleada de refugiados que ha llegado al país» («Продажи огнестрельного оружия выросли за последний год на 11 процентов, что совпало с волной беженцев, прибывших в страну») (15.08.2015). Такая манера подачи информации позиционирует беженцев, как потенциальных убийц, преступников, которые приезжают в страну и в первую очередь покупают огнестрельное оружие, а значит, они опасны для общества.

Термин «беженцы» также активно эксплуатируется авторами LibertadDigital в заголовках криминальной хроники (как мы видим, подобные тенденции характерны практически для всех анализируемых нами СМИ):

- «Detenidos nueve refugiados iraquíes acusados de violar a una mujer» («Арестованы девять иракских беженцев, обвиняемых в изнасиловании женщины») (15.08.2016);

- «Detenido un refugiado sirio tras matar con un machete a una mujer» («Задержан сирийский беженец, убивший женщину мачете») (24.08.2016).

В целом, интернет-журнал LibertadDigital можно охарактеризовать как наименее интолерантный из трех исследуемых нами испанских СМИ. Здесь нет открытых призывов к дискриминации, практически не используется грубая, оскорбительная лексика в адрес иностранцев. Но, как и в других СМИ, язык вражды в текстах данного издания встречается часто (в 226-ти текстах из 420-ти) – хотя и в более мягкой форме.

2.4 Выводы по второй главе. Язык вражды в российских и испанских интернет-СМИ: сходства и различия

Итоги проведенного исследования неутешительны: около половины рассмотренных текстов, содержат в себе язык вражды (преимущественно в мягкой форме) – как в российских, так и в испанских СМИ, – что свидетельствует об определенном неблагоприятном социальном климате, сложившемся на сегодняшний день в этих странах. Примеры жесткого и среднего языка вражды в

исследуемых текстах встречаются реже. Общая же тенденция освещения этнической тематики в СМИ вызывает тревожность.

Рассмотрим результаты анализа более подробно.

Количество материалов, в которых затрагиваются вопросы межнациональных отношений, в испанских СМИ значительно больше, чем в российских – 1489 и 424 текста соответственно. Это связано, в первую очередь, с существующей в Испании социальной напряженностью, вызванной европейским миграционным кризисом. При этом процентное количество материалов, содержащих язык вражды, в СМИ обеих стран примерно одинаково: 61% в российских онлайн-медиа, 65% – в испанских.

В ходе мониторинга материалов были выявлены основные мишени языка вражды. В российских интернет-СМИ это, в первую очередь, обобщенные группы «мигранты», «гастарбайтеры», «нелегалы», а также более конкретные этнические сообщества – «китайцы», «выходцы из Средней Азии», «таджики». Необходимо отметить, что, несмотря на актуальную для настоящего времени проблему взаимоотношений русских с представителями Кавказа, в исследованных нами текстах российских интернет-СМИ не встретились примеры, где кавказцы становились бы мишенями языка вражды. Что касается испанских медиа, то чаще всего объектом речевой агрессии здесь становятся «беженцы», «мигранты», «мусульмане» (что объясняется массовой миграцией беженцев, а также многочисленными террористическими актами, произошедшими в европейских странах в последние два года), а также «марокканцы».

Довольно большую часть журналистских текстов, несущих в себе информацию о потенциальных объектах языка вражды, составляют материалы, отражающие текущую деятельность миграционных служб. Этой теме уделяется много внимания как в российских, так и в испанских СМИ. Однако многие из таких публикаций, формально являющихся нейтральными, можно отнести скорее к сомнительным – ввиду манеры подачи материала, а также избыточности появления текстов подобного рода в новостной ленте.

Еще одним косвенным проявлением языка вражды можно назвать статистические данные, регулярно появляющиеся в интернет-СМИ. Материалы, по сути, состоящие из сухой статистики, транслируются журналистами таким образом, что читателю указывается на потенциальную угрозу со стороны носителей другой религии или нации.

При этом зачастую журналисты грешат так называемыми «статистическими соблазнами», что также является признаком языка вражды в тексте, по мнению Г. Кожевниковой. Сами по себе статистические данные – лишь рабочий материал, требующий не простого воспроизведения, а анализа. Журналисты же исследуемых СМИ, как правило, используют статистику лишь в качестве иллюстрации, которая может коренным образом изменить восприятие даже самого нейтрального текста, в том числе – усилить «звучание» ксенофобного контекста.

Важно отметить также использование экспрессивной, стилистически сниженной лексики, несущей негативную оценку, которая нередко используется российскими и испанскими журналистами при написании материалов об иностранцах. Некорректные по отношению к людям других национальностей выражения, несомненно, вызывают у аудитории негативные ассоциации по отношению к мигрантам, которых «ввозят», «ловят» и на которых «охотятся». Люди предстают в текстах как животные или какие-либо неодушевленные предметы. Так проявляется дегуманизация представителей определенных этнических и социальных групп – СМИ словно бы лишают их статуса человека.

Встречаются в исследуемых текстах примеры и более явного языка вражды, где упоминание этнической или религиозной группы осуществляется в унижительном или оскорбительном контексте. В основном такую тактику выбирают испанские журналисты, в российских СМИ подобные примеры встречаются чуть реже.

Одной из заметных тенденций, прослеживаемых в материалах анализируемых СМИ, является криминализация этнических групп. Криминальная хро-

ника, сообщения о чрезвычайных происшествиях, в которых, так или иначе, фигурируют «чужие», преимущественно содержат упоминание об этом факте. Необходимо отметить, что при совершении преступления представителем иной национальности для его названия используется этноним, который почти всегда выносится в заголовок. Однако указание на национальную принадлежность, как правило, не несет в себе значимой информативной составляющей, потому как при освещении аналогичных преступлений или нарушений, совершенных представителями титульных наций России и Испании их национальность не указывается. Таким образом, по логике журналистов, национальность имеет информационную значимость только в новостях, где нарушителем порядка становится «чужой», что может сигнализировать аудитории об опасности всей этнической группы и даже косвенно объяснять причину преступного поведения этого человека принадлежностью его к той или иной национальности.

Единственным, как выяснилось в ходе настоящего исследования, серьезным различием в языке вражды российских и испанских интернет-СМИ является отсутствие его жесткой формы в отечественных медиа. Исследуемые нами журналистские тексты интернет-изданий России в основной массе содержат в себе признаки мягкого языка вражды, реже встречается средняя степень общественной опасности. В испанских же интернет-СМИ жесткий язык вражды хотя и менее частотен, чем две другие формы, но все же присутствует – в основном в виде лозунгов и призывов к дискриминации. Данный факт, на наш взгляд, свидетельствует о крайне напряженном и нездоровом социальном климате, сложившемся в Испании (и в Европе в целом) в последнее время. Безусловно, такое положение вещей вызывает тревогу, однако испанские журналисты вместо того, чтобы минимизировать ксенофобские настроения в обществе, только усугубляют проблему, подталкивая аудиторию к разжиганию межнациональной розни.

В целом же, можно сделать вывод, что в журналистских текстах российских и испанских интернет-СМИ язык вражды (преимущественно, в мягкой

форме) присутствует приблизительно в равной мере. СМИ обеих стран демонстрируют схожие тенденции в освещении информации, касающейся членов иных этнических групп. Несмотря на то, что мишени языка вражды у русских и испанских журналистов несколько отличаются, приемы и способы формирования образов врага схожи или идентичны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Большой потенциал Интернет-СМИ в воздействии на массовое сознание аудитории распространяется на все сферы человеческой жизни: в том числе, и на межнациональные отношения – одну из наиболее актуальных и острых проблем общества. Напряженная обстановка на мировой политической арене, войны, международные конфликты, проблема беженцев – все это становится объектом освещения в средствах массовой информации, и особенно – в Интернет-СМИ. При этом давно доказано, что средства массовой информации играют важную роль в регулировании самих межнациональных (межэтнических) отношений.

Поставленная во введении цель работы достигнута, а задачи выполнены.

В ходе работы была определена теоретическая база, изучен и обобщен необходимый теоретический материал, в частности, рассмотрено понятие языка вражды, основные подходы к его классификации, функции, основные стратегии и приемы его создания. Выявлены и описываются причины возникновения данного феномена в журналистских текстах. В результате автором настоящего исследования было выведено собственное, «рабочее» определение языка вражды, отражающее, на наш взгляд, наиболее значимые его аспекты. Кроме того, был сформирован инструментарий для проведения практической части исследования. Были изучены виды языка вражды, формы его проявления, основные маркеры, помогающие определить наличие данного феномена в анализируемых текстах.

Проведенное исследование показало существующую на сегодняшний день тенденцию к использованию журналистами России и Испании языка вражды в материалах о межнациональных отношениях. Его содержат более половины рассмотренных нами текстов как российских, так и испанских СМИ, что свидетельствует об определенном неблагоприятном социальном климате, сложившемся на сегодняшний день в этих странах. Коренные жители страны до-

вольно враждебно настроены по отношению к «чужим», что не может не находить отражения в журналистских текстах. Преимущественно язык вражды встречается в текстах СМИ в мягкой форме, реже – в средней. Жесткий язык вражды характерен только для испанских интернет-СМИ, при этом частотность его употребления минимальна. Общая же тенденция освещения межнациональной тематики в СМИ обеих стран может быть охарактеризована как интолерантная и вызывает определенную тревожность.

Вербальная агрессия в текстах исследуемых СМИ направлена в отношении людей иной национальности, этнической принадлежности и религиозных взглядов. Основными мишенями языка вражды в СМИ России становятся мигранты, гастарбайтеры, нелегалы; в СМИ Испании – беженцы, мигранты, мусульмане. Чуть реже речевая агрессия направлена в адрес конкретных национальных групп.

Полученные данные свидетельствуют о том, что язык вражды в текстах российских и испанских интернет-СМИ язык вражды присутствует практически в равной мере. Несмотря на то, что мишени языка вражды в русских и испанских медиа несколько отличаются, приемы и способы формирования образов врага в целом схожи или идентичны. Таким образом, можно утверждать, что гипотеза данного исследования нашла свое фактическое подтверждение.

В заключение отметим, что подобные тенденции к формированию журналистами негативных образов отдельных национальных или религиозных групп, безусловно, являются недопустимыми и, более того, общественно опасными. Полученные автором результаты свидетельствуют о существующей в обществе (как в российском, так и в испанском) серьезной проблеме, которую необходимо решать в целях нормализации социального климата.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Альперович, В.Д., Куковская, М.А. Метафоры «своего» и «чужого» человека как предикторы «языка вражды» / В.Д. Альперович, М.А. Куковская // Общество: социология, психология, педагогика. – 2016. – №8. – С. 40–45.
2. Аношина, Е.Ю. Речевая стратегия дискредитации в текстах русскоязычных Интернет-блогов / Е.Ю. Аношина // Инновационная наука. – 2016. – №10-3. – С. 86–89.
3. Антонова, Ю.А. Виртуальное сообщество в социальной сети как способ распространения экстремистской идеологии среди молодежи / Ю.А. Антонова // Политическая лингвистика. – 2012. – №4 (42). – С. 71–80.
4. Басовская, Е. Н. Творцы черно-белой реальности: о вербальной агрессии в средствах массовой информации / Е.Н. Басовская // Критика и семиотика. – 2004. – №7. – С. 257–263.
5. Белояр, А. «Язык вражды», или Защитная реакция? [Электронный ресурс] / А. Белояр. 2004. URL: http://ruskolan.com/liter/yazik_vr.htm (дата обращения 30.10.2016).
6. Булыгина, Е. Ю., Стексова, Т. И. Проявление языковой агрессии в СМИ / Е.Ю. Булыгина, Т.И. Стексова // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии : межвуз. сб. науч. тр. – Барнаул, 2000. – С. 169–178.
7. Верховский, А.М. Язык мой...: проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ / А.М. Верховский. – Москва: РОО «Центр «Панорама», 2002. – 200 с.
8. Воробьев, С.М. «Язык вражды» в СМИ как фактор позиционирования политических партий в российском обществе / С.М. Воробьев // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2004. – №3–4. – С. 142–145.

9. Воронцова, Т.А. Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход : автореф. дис. ... доктора филол. наук : 10.01.01 / Воронцова Александровна. – Челябинск, 2006. – 43 с.
10. Врагольская, В. Чешский интернет: где заканчивается свобода слова и начинается «язык вражды»? [Электронный ресурс] / В. Врагольская. 2016. URL: <http://slovari21.thesite.ru/analytics/1533> (дата обращения 21.03.2017).
11. Гладилин, А. В. «Язык вражды» как коммуникация [Электронный ресурс] / А.В. Гладилин // Современные исследования социальных проблем. – 2012. – №11 (19). – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-vrazhdy-kak-kommunikatsiya> (дата обращения 16.11.2015).
12. Гладилин, А. В. «Язык вражды» в традиционных и новых медиа / А.В. Гладилин // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 21 (312). – С. 144–153.
13. Денисова, А.В. Язык вражды: некоторые особенности судебных лингвистических экспертиз / А.В. Денисова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 77. – С. 54–58.
14. Денисова, А.В. Правовые основы лингвистической экспертизы «языка вражды» / А.В. Денисова // Юрислингвистика. – 2011. – № 11. – С. 221–228.
15. Дзялошинский, И.М., Дзялошинская М.И. Российские СМИ: как создается образ врага. Статьи разных лет / И.М. Дзялошинский, М.И. Дзялошинская // Москва: Московское бюро по правам человека, 2007. – 168 с.
16. Дзялошинский, И.М. Язык вражды в российских СМИ: социальные, культурные, профессиональные факторы : учеб.-метод. пособие для студентов фак. журналистики / И.М. Дзялошинский – Москва, 2006. – 26 с.
17. Евстафьева, А.В. Адресант и адресат «языка вражды» в текстах средств массовой информации / А.В. Евстафьева // Вестник Тюменского государственного университета. 2008. – № 1. – С. 125–134.

18. Евстафьева, А.В. О некоторых лингвистических маркерах «языка вражды» в манипулятивных приемах в средствах массовой информации / А.В. Евстафьева // Вестник Башкирского университета. – 2008. – Т. 13. – № 4. – С. 994–996.
19. Евстафьева, А.В. «Язык вражды» в средствах массовой информации: лингвистические и экстралингвистические факторы функционирования : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01/ Евстафьева Анна Владимировна. – Тамбов, 2009. – 26 с.
20. Енина, Л.В. Речевая агрессия и речевая толерантность в средствах массовой информации / Л.В. Енина // Российская пресса в поликультурном обществе: толерантность и мультикультурализм как ориентиры профессионального поведения. – М.: Независимый ин-т коммуникативистики, 2002. – С. 325–326 с.
21. Ефремов, В.А. Граммар-наци: речевая агрессия и наивная лексикография / В.А. Ефремов // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2015. – № 5 (27). – С. 56–62.
22. Закоян, Л.М. Выражение агрессии в российских СМИ / Л.М. Закоян // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2009. – № 2. – С. 44–47.
23. Закоян Л.М., Речевая агрессия в языковом сознании представителей русской лингвокультуры / Л.М. Закоян // Foreign Languages for Spécial Purposes. – 2009. – №8. – С. 16–30.
24. Зандеева, С.К. Роль средств массовой информации в процессе этнополитических конфликтов / С.К. Зандеева // Вестник Бурятского государственного университета. – 2012. – № 14. – С. 143–145.
25. Зеленков, М.Ю. Межнациональные конфликты: проблемы и пути их решения (правовой аспект) / М.Ю. Зеленков. – Воронеж : изд-во ВГУ, 2006. – 262 с.

26. Капустин, В.И. СМИ в регулировании межнациональных и межконфессиональных отношений (на примере Оренбургской области) : дис. ...канд. полит. наук : 23.00.02. – Москва, 2002. – 135 с.
27. Кожевникова, Г. В. Язык вражды после Кондопоги / Г.В. Кожевникова // Язык вражды против общества : сб. статей. – Москва: Центр «Сова», 2007. – С. 10–71.
28. Кожевникова, Г. В. Язык вражды: типология ошибок журналиста / Г.В. Кожевникова // Прикладная конфликтология для журналистов : сб. статей. – Москва: Права человека, 2006. – С. 95–105.
29. Кольцова, Е. Ю., Таратута Е. Е. Измерение толерантности / Е. Ю. Кольцова, Е. Е. Таратута // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. – Т. 6. – № 4 (24). – С. 113–129.
30. Коробкова, О.С. Маркеры языка вражды в номинациях этнической принадлежности: социолингвистический аспект / О.С. Коробкова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 111. – С. 200–205.
31. Костенко, Е.В. Когнитивный аспект влияния сетевых СМИ на массовое сознание / Е.В. Костенко // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – № 5–3. – С. 50–54.
32. Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. – СПб. : Златоуст, 1999. – 319 с.
33. Кроз, М.В., Ратинова, Н.А. Экспертная оценка материалов, направленных на возбуждение вражды и ненависти / М.В. Кроз, Н.А. Ратинова // Цена ненависти. – Москва: Центр «Сова», 2005. – С. 75–92.
34. Кузнецова В В., Соколова Е.Е. Свобода слова и язык вражды в российских СМИ // Социальные варианты языка: Материалы международной научной конференции. – Нижний Новгород, 2004. – С. 448-450
35. Левицкая, М., Манцевич, Н. Язык вражды в комментариях: ИМХО или соучастие СМИ в преступлениях на почве ненависти? [Электронный ре-

курс] / М. Левицкая, Н. Манцевич. 2014. URL: <https://makeout.by/2014/06/11/yazyk-vrazhdy-v-kommentariyah-imho-ili-souchastie-smi-v-prestupleniyah-na-pochve-nenavisti.html> (дата обращения 11.01.2017).

36. Литвинова, Т.Н. «Информационный джихад» в глобальной сети / Т.Н. Литвинова // Власть. – 2010. – № 9. – С. 116–119.

37. Магомедова, М. А. СМИ как основной ресурс информационного обеспечения оптимизации межнациональных отношений / М.А. Магомедова // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 1. – С. 345–347.

38. Малькова, К.В. Не допускается разжигание межнациональной розни / К.В. Малькова. – Москва, 2007. – 243 с.

39. Матвеева, Т. В. Нормы речевого общения как личностные права и обязанности / Т.В. Матвеева // Юрислингвистика-2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул, 2000. – С. 40-49.

40. Мистюк, Т.Л. Элементы речевой агрессии в современном газетном тексте / Т.Л. Мистюк // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 1 (43). – С. 160-164.

41. Муравьева, Н.В. Язык толерантности и язык интолерантности [Электронный ресурс] / Н.В. Муравьева. 2003. URL: <http://www.tolerance.ru/p-jclub-master.shtml> (дата обращения 12.10.2016).

42. Обухова, О.В. Социокультурные факторы формирования лексики Интернета (на материале английского языка) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Обухова Оксана Вячеславовна. – Москва, 2007. – 236 с.

43. Оразбаева, Г.Д. Роль средств массовой информации в урегулировании межнациональных конфликтов / Г.Д. Оразбаева // CETERIS PARIBUS. – 2015. – № 4. – С. 144–148.

44. Поликанова, Т.В. Информационное обеспечение оптимизации межнациональных отношений в Российской Федерации : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Поликанова Татьяна Валерьевна. – Москва, 2007. – 166 с.

45. Прикладная конфликтология для журналистов / ред. М. Григорян. – Москва : Права человека, 2006. – 158 с.
46. Путиловский, А.А. Ксенофобия и экстремизм в сети Интернет: сущность и методы противодействия / А.А. Путиловский // Конфликтология. – 2013. – С. 232–240.
47. Резникова, А.В. К вопросу об использовании «языка ненависти» в контексте поликультурной образовательной системы / А.В. Резникова // IN SITU. – 2016. – № 4. – С. 84–85.
48. Рожнова, О.Ю. Отражение этничности и религии в современных средствах массовой информации: сравнительный анализ с целью поиска общего подхода к изучению [Электронный ресурс] / О. Ю. Рожнова // Современные проблемы науки и образования. – 2011. – № 1–1. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/otrazhenie-etnichnosti-i-religii-v-sovremennyh-sredstvah-massovoy-informatsii-sravnitelnyy-analiz-s-tselyu-poiska-obschego-podhoda-k> (дата обращения 05.06.2016).
49. Савинова, О.Н. СМИ как фактор межкультурного диалога в обществе риска и подготовка журналистских кадров / О.Н. Савинова // Вестник Марийского государственного университета. – 2015. – № 3 (18). – С. 84–88.
50. Сафина, А.Р. Особенности языка российских интернет-СМИ. Феномен гипертекста / А.Р. Сафина // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2012. – Т. 14. – № 2–6. – С. 1582–1587.
51. Стексова, Т. И. Речевая агрессия в интернет-комментариях как проявление социальной напряженности / Т.И. Стексова // Политическая лингвистика. – 2013. – № 3. – С. 77–81.
52. Спожакина, А.И. «Язык вражды» в региональных СМИ (российско-украинский конфликт в оценке журналистов Оренбуржья) / А.И. Спожакина // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2014. – № 4 (17). – С. 24–33.

53. Столярова, Е.В. СМИ как пространство проявления речевой агрессии / Е.В. Столярова // Путь науки. Международный научный журнал. – 2014. – № 10 (10). – С. 80–82.
54. Сулейманова, Ш.С., Рябова, Е.Л. Роль СМИ в регулировании межнациональных отношений в современной России / Ш.С. Сулейманова, Е.Л. Рябова // Этносоциум и межнациональная культура. – 2015. – № 5 (83). – С. 41–42.
55. Сунами, А.Н. Молодежный экстремизм, ксенофобия, интолерантное поведение: конфликтный анализ российского интернета / А.Н. Сунами // Конфликтология. – 2013. – Т. 1. – С. 178–185.
56. Филлипова, О.А. Явление речевой агрессии в современных условиях общения (аспекты и проблемы) / О.А. Филлипова // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. – 2009. – № 3. – С. 87–93.
57. Хроменков, П.Н. Проблематика «hate speech» в СМИ / П.Н. Хроменков // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. – 2013. – № 1 (1). – С. 103–110.
58. Хроменков, П.Н. «Язык вражды» как направление научного дискурса / П.Н. Хроменков // Иностранные языки в высшей школе. – 2014. – № 2 (29). – С. 60–66.
59. Чжан, Ю. Проявление агрессии в средствах массовой информации в начале XXI века / Ю. Чжан // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. – 2015. – № 4. – С. 81–85.
60. Щербинина, Ю.В. Вербальная агрессия / Ю.В. Щербинина. – Москва, 2008. – 360 с.
61. Щербинина, Ю.В. Методы диагностики речевой агрессии / Ю.В. Щербинина // Прикладная психология и психоанализ. – 2001. – № 3. – с. 42-54.
62. Язык вражды в русскоязычном Интернете: материалы исследования по опознаванию текстов ненависти / Д.В. Дубровский, О.В. Карпенко, Е.Ю.

Кольцова и др. – СПб : Издательство Европейского университета в СПб, 2003.
– 72 с.

63. Язык вражды в СМИ. Правовые и этические стандарты. / Под редакцией Г. Ю. Араповой. – Воронеж, 2011 – 128 с.

64. Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности : коллективная монография / отв. ред. И. Т. Вепрева, Н. А. Купина, О. А. Михайлова. – Екатеринбург, 2006. – 562 с.

65. Язык вражды против общества : сб. статей / сост. А.М. Верховский. – Москва, 2007. – 259 с.

66. Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ : сб. статей / сост. А.М. Верховский. – Москва, 2002. – 200 с.

67. Boromisza-Habashi, D. Hate speech as cultural practice. University of Massachusetts Amherst, 2008. 348 p.

68. Daniels, J. Race, Civil Rights, and Hate Speech in the Digital Era // Learning Race and Ethnicity: Youth and Digital Media / Ed. by Anna Everett. The John D. and Catherine T. MacArthur Foundation Series on Digital Media and Learning. – Cambridge; MA : The MIT Press, 2008. P. 129–154.

69. Ferrandez, C.G. La especialización de la fiscalía en materia de delitos de odio y discriminación. Barcelona, 2015. 33 p.

70. Waldron, J. The Harm in Hate Speech. Harvard University Press, 2012. 304 p.

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра журналистики

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

**ЯЗЫК ВРАЖДЫ В РОССИЙСКИХ И ИСПАНСКИХ ИНТЕРНЕТ-СМИ
(НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТОВ О МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ)**

42.04.02 Журналистика

42.04.02.02 Медиатехнологии и менеджмент средств массовой информации

Руководитель		к. филол. н., доц.	А.В. Гладилин
Выпускник			А.Н. Саха
Рецензент		к. филол. н., доц.	Г.С. Спиридонова
Нормоконтролер		ст. преп.	О.В. Богуславская

Красноярск 2017